ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

ВОЛЬНОЕ КОЗАЦТВО

25 Října 1933. **Volné Kozáctvo** Ročník VI.

139

25-го октября 1933 г. 25-го жовтня 1933 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой РІК ВИДАННЯ 6-ий

Ю. Тютюн

СОДЕРЖАНИЕ.

1. И. М. Назаров: *⁎* (Verše).
2. Борис Кундрюцков (†): Дед (Děd).
3. С. Савицький: На бій! (Verše).
4. И. К. Скубани: Все на борьбу! (Verše).
5. Вместо передовой статьи. (Štoček).
6. Трагедия Казачества (Tragedie Kozáctva).
7. Т. Стариков: О коннице (O jízdě).
8. Роман Кумов (†) : Игумен Иосаф (Opat Josaf).
9. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
10. На развалинах казачьей „единонеделимческой“ идеологии (Na troskách kozácké russofilské ideologie).
11. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
12. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Славков. — С. — Получено. Привет.
Галац. — А. Б. — Исполнено. Привет.
Виши. — Д. Ч. — Ждите письмо. Привет.
Страконице. — Л. — Спасибо.
Париж. — Ч. — Спасибо. Привет.
Крагуевац. — А. Ч. — Письмо помещено. За остальное — спасибо. Привет.
София. — Ф. Б. — Ответ на свой вопрос относительно того, что делать с полученными Вами кн. „Трагедия Казачества“ ч. I, найдете в настоящем номере журнала. Привет.
Тулуза. — С. Т. — Ждите письмо. Привет.
Белград. — Н. Д. — Ответ — письмом. Привет.
Августов. — Е. К. — Получено. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **И. И. Безуглов.**

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

В БЕЛЬГИИ:

И. П. Егоров. Bruxelles.

ВО ФРАНЦИИ:

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. Ugine.
С. Чепурной: M-eur Tchepournoï, Vichy.
Ив. Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Ковловский. Berlin.

Казачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsíce).

Редактор: инж. **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 139 *Среда, 25 октября, 1933 = Середа, 25 жовтня, 1933.* *№ 139*

И. М. Назаров. *(Княжевац).*

* * *

Пойте, юноши и дети,
Нам про волю старых дней, —
Что милей всего на свете
Сердцу воина степей.
Наши прадеды и деды
Положили вам завет —
Жить в лучах зари победы,
Иль погибнуть для побед.
Ждите ж час, как демон боя
Вскинет грозные рога,
Чтоб атакой в конном строе
Встретить конного врага...

Пойте, девушки, о битве —
Только тот, кто смел, как лев,
Будет в песнях и молитве
У степных красавиц дев...
Пойте, женщины, про славу —
Только храбрый из мужей
Даст вам радость, и забаву,
И прекрасных сыновей...
Пойте, матери, о воле
В глубине степных равнин,
Чтобы с детства к бранной доле
Был готов казачий сын...

Пойте нам, отцы и деды,
Чтоб не гас степной завет —
Жизнь в лучах зари победы,
Иль погибнуть для побед!..

19 июня, 1931.

Борис Кундрюцков. (†)

Дед.

(Из степных эскизов).

Мысли путались, впыхивали и потухали. Встанет особенно ярко какая-нибудь деталь, словно оброненное, за помнившееся бессознательно, напомнит весь разговор, интонации голоса, и опять начинается вихрь всяческих мыслей и планов. Рождаются новые образы и исчезают; гаснут с ними и обрывки промелькнувших и недоведенных до конца выводов и, все-же, надо всем, задавая основной тон, господствует главная мысль — как сказать об этом деду?

Как сказать деду?

Вот смотришь в потолок и там, на верху, на втором этаже, слышишь его монотонное чтение, непонятное, заглушенное расстоянием, похожее на заунывное пение. Это его манера читать. Сидит до поздней ночи и распевает по печатному.

Порой услышишь отрывок какой-нибудь казачьей песни, на которую дед собьется по привычке — что-то с детства знакомое; полузабытая старинная песенка, потом опять бормотание и незнакомые варианты мотива. Но и в них чудится распев степных мелодий, давно отзвучавших и только воскресающих при бессознательном чтении старого деда. Бабка давно уже спит, дед же в своем большом кабинете, обставленном пузатыми шкапами, набитыми битком книгами, долго бубнит, напевая над захватанными страницами, низко склонившись, насадив очки на нос и покусывая кончик седого желтеющего уса. Раз, тайком, я рассматривал его книги... Удивительные!.. Интересные книги!.. Одна, например: „Основание и заселение Нового Черкасска". В этой книге весь город. Его основание, жители и все сведения о них. Чьи дома, кто в них живет, сколько хозяев было, когда построились, каких станиц, кто кем был, на ком женат... А на полях пометки дедовым почерком.

— „Голубев люби, но и детей не забывай"... Или: „Где он эту стерву раскопал и на Дон чего привез"... Попадалось и лаконическое — „убит в Турецкую кампанию"... „Погиб в Сибири"... „Самоубийца"...

А раз приехали знакомые из дальней станицы, остановились у кого-то и пришли к деду. Приветливо оглядывали гостей его светлые глаза из под нависших бровей. В конце разговора спросил он их, где они остановились.

— У Подгорного...

Достал дед книгу, а через минуту говорил — кто такой Подгорный, когда пришел на Дон, почему пришел, когда осел на Покровской улице, когда из флигеля в вновоотстроенный дом перешел, и, даже, когда

розы развел в палисаднике, кто ему их дал, и как это все случилось. Станичники слушали и руками разводили. А дед добавлял:

— Тынок ему поправить не мешало бы. — И смеялся, скручивая большими, сведенными ревматизмом, пальцами цигарку...

Или вот книги: „Прилестные письма к Волжским народам“... Варфаломей Цикунов — „Анегдотические анегдоты с Хутора Темного, Непорочной Станицы“... И так далее, все такое, чего теперь не сохранилось уже в Казачьей Земле. К Савельеву дед относился несколько скептически, но произведения его, особенно пьесы, были переплетены в красивые переплеты, и вставали при чтении их — времена Игнатия Некрасова, Кондратия Булавина, Сулы и других сильных волей борцов за лучшую долю и Волю. Если же приезжали из соседних станиц, то от деда никому не было спуска. Над каждым посмеется и, уж если напомнит что, так такое, что гость в полное недоумение приходит — откуда и через кого это деду известно. Иной дед-казак от одного слова дедовского затрясется, и все из-за того, что напомнит ему дед „исторический случай“, бывший в его станице лет сто тому назад и рисующий станицу в неприглядном или смешном виде.

— Вот так дед... — говаривали молодые казаки: — у него вся Донская Область в нутре сидит. Все знает... Су-кин сын...

Ругались от восхищения и частенько приезжали к к деду враждовавшие между собой казаки, чтобы узнать друг про друга или про станицу своего врага что-либо наиболее обидное и потом этим оружием в споре навлечь громовой смех зрителей на своего противника.

Сам дед был крепкий и славный. Сыновей вывел в офицеры, а свои паи сдавал станичникам в аренду. В городе, где он жил, двор был полон внучат, и особенно среди них выделялась Аня, молодая и красивая барышня, кончившая гимназию с золотой медалью. Когда к деду являлись „арендатели“, двор наполнялся оседланными конями, триндулетами. Раздавались песни, и шумно было в дедовском доме. Приезжие привозили чувалы с мукой, боченки с вином, привозили масло, яиц, всякую живность, старались натурой отплатить деду за смехотворно низкую аренду, да за одно и отпраздновать урожай, окончание летней работы.

В такое время в летней кухне — дым коромыслом, а к деду и совсем не было прохода. Если случалось так, что к этому времени приезжали из полка сыновья — ну тогда веселье тянулось три-четыре дня. Уничтожалось неимоверное количество мяса и рыбы, не меньше выпивалось вина, дед тратил все свободные деньги, приезжие — тоже, а соседи спрашивали:

— Иде ж это поют?..

— У дяди Миши, Паши и Саши... — отвечали им, называя имена трех дедовских сыновей. В такой месяц у деда не оставалось от пенсии ни гроша. Недовольной была одна лишь бабка, урожденная Полковникова, Кривянской станицы; она выходила на балкон, часами сидела на нем, смотря на сутолку во дворе и, когда внучата, а их было одиннадцать человек, особенно шалили, качала головой и сокрушенно тянула:

— И-и-ии...

На что пять сорванцов внизу подпирали щеки рукой и тянули тоже сокрушенно:

— И-и-ии...

Ржали кони, хохотали казаки, а из дедовских комнат, то доносился гул шумных разговоров о конноза-водчиках, о земле, о казачьей службишке, о походах на Индию, Турцию и в иные заморские страны, то лились песни. Оживал старый двухэтажный дом с садом, спускавшимся до Гуколовскогого дома. Разные песни певались; каких только слов и событий в них не наслушаешься. Чаще слышалась дедовская любимая:

— Служили два това-арища,
Служили два това-арища —
Один из них урядник,
Другой — простой казак...

. . . . . .

Все это вставало в памяти. Но одна мысль вытесняла собой эти знакомые картины — как сказать деду? Крепко любил дед свою внучку Аню. Никого из нас так не любил, как ее. К книгам своим только ее и подпускал. Через нее и мы украдкой добирались до них... Вспомнилась книга... Мысль в сторону... Книга с названием: „Преступление и наказание“... Но не Достоевского, а кого-то другого, и не роман, а какие-то рассуждения о социальной правде, о нестроениях жизни, о справедливости между русскими и казаками... Некая параллель... Как нынешний исторический труд: Россия и Дон... Было в ней указано, что в России — зло, а на Дону — не зло... Что за что почитается и положено, кто как карает и должен на самом деле карать. Некоторые указания, как человека сразу можно определить, чем он дышет и куда гнет... Наивная, но оригинальная книга.

Как-то эту книгу Аня в гимназию прихватила и кое-что подругам прочла. Учитель заметил, перелистал, посмеялся, в начале урока страничку одну глазами пробежал, а потом как задумался, так весь урок и просидел с устремленными вдаль глазами. После урока просил дать книгу на дом, но Аня отказала из страха перед дедом.

Рассказывала она этот случай с усмешкой на загорелом лице, улыбаясь мне алыми губками и разглаживая волнистый локон. Окончила гимназию с золотой медалью. И медаль Ани, или Нюни, как ее все звали, для деда была огромной непередаваемой радостью и гордостью.

Дед ко всем приставал:

— Твой сын лычки получил... Это что?.. Мои сыновья — офицеры, и это нет нечего... А вот Нюнька моя... Нюнька... Всех заткнула... Золотую медаль получила!.. Баба и... медаль! Тю-черт!

Нюня часто сидит с рукоделием у деда, когда он читает. А дед, нет-нет, и тронет ее за подбородок...

— В университет тебя отправлю... Постаралась, Нюня, с медалью, значит... По войску Донскому, значит...

Аня краснеет...

. . . . . .

Но деду всетаки надо сказать... А как скажешь!..

Твердо стало лежать, перевернулся на бок. Все это хорошо... Что было, то прошло. А вот вчера Нюнька наклонилась с коня и шепотом сказала:

— Скажи деду, Сережа, что уехала я с Михаилом к нему на хутор. Повенчаемся там, да и будем жить... в Аютинском.

Сказала да и поскакала с Михаилом вниз по улице, мимо Сорокиных, да Сысоевых — по Криничной. Только конские хвосты и видал. От волнения язык прилип... Вчера приехали арендаторы и Михаил с отцом, вчера так было весело, а сегодня...

Гуляли до поздней ночи... Уложил дед гостей спать... А сам все-же сел почитать... Поет там наверху... А не знает... Скачет Нюнька донскими степями. . И отец Михаила спит, не чует, что его сын дедовскую внучку умыкнул. Михаил — красивый и статный юноша-казак, через год идущий на действительную. Посадил Аню на седло... Вот о чем они шептались весь день в саду...

Подумал и сел... Легко ей — скажи деду. Зачем, скажет, не удержал... С золотой-то медалью, да с простым казаком на хутор, цыплят разводить... Уф...

Читает дед наверху — поет...

Надо идти. Сунул ноги в шаровары, подтянул учкур и набросил рубаху. Когда поднимался по лестнице, со двора прямо идущей на второй этаж, волновался страшно. Стукнул нерешительно в дверь.

Замолчал дед, прислушался.

— Кто?..

— Сергей!..

— Входи!..

Притворил двери.

— Я к вам, дедушка..., от Ани...

— От Ани?.. удивился дед: — что-же у ней самой ног, что-ли, нет? Думает как медаль, так и ходить можно разучиться!..

— Она уехала на хутор Аютинский с Михаилом венчаться... — Выпалил все сразу и замолчал.

Дед хмыкнул и головой покачал.

— Подойди-ка поближе.

Он пощупал мой лоб, заглянул в глаза, щелкнул по носу, и заботливо покачал головой...

— Рано стал, внучек, к чарочке...

— Правду говорю... Они конные пошли с Михаилом... А перед этим Нюнька за вещами в дом бегала, во флигель... Платьев в саквы Михаил напхал...

Тут дед неожиданно встал и нахмурился.

— Седлай, никому не говори. А отец Михаила спит? Взбуди... Живо...

Я скатился с лестницы и с Андреем мы подседлали четырех коней... Дед спустился во двор с притихшим отцом Михаила, и вскоре по ночным улицам, выбивая искры из под копыт поднятых в карьер коней, кавалькада из пяти всадников понеслась вниз к Триумфальным воротам.

Отец Нюньки, дед, отец Михаила, я и Андрей хлестали коней, догоняя беглецов. Перед аркой дед придержал своего коня и, когда я поравнялся с ним, спросил:

— Давно ушли?..

— Часов пять прошло...

Когда приехали на хутор — было светло, и высоко стояло сентябрьское солнце. Вошли в курень, навстречу Михаил и бледная Аня...

Тихо стало. Все ждут, что скажет дед.

А дед молча полез в карман, под лампас, и достал.. футляр с золотой медалью. Вынул ее из углубления, оббитого алым бархатом, покрутил у Михаила поред носом и Нюньке дал...

— На... Регалию забыла!.. Перед муженьком и покрасоваться нечем будет...

. . . . . .

К вечеру припылила на триндулете бабка с Нюнькиной матерью, и прожили мы в Аютинском без малого три недели.

Засел дед снова за книги... Запел!..

Вышла бабушка на балкон, подперлась рукой на нас:

И-и-ии!..

И хором вторили ей молодые голоса: и-и-ии!.. А Нюньку-то промурлыкали?!.

Тогда появилась грозная фигура деда и вся ребячья стайка помчалась в сад: „аж до самого Губкаловского тына“...

Сентябрь 1932 Белград.

С. Савицький *(Бразилія).*

НА БІЙ!

І знов проллялась кров козача...
Панує знов червоний змій.
В кайданах Воля гірко плаче:
Розвіявсь рій рожевих мрій...
. . . . . .
В ліси на північ відправляють
Казачих страдників-борців...
Дітей по вулицях стріляють,
Мов для забави горобців...
Рятуймо їх!.. То ж наші діти,
То ж наші браття козаки...

Чи можем тихо ми сидіти?!
Пора, пора на байдаки!..
Гуртуймось! Вдарем громом
На змія лютого в степу,
Що край наш нищить гірш Содоми.
Гей, хто козак: на боротьбу!
. . . . . .
О, степ, в кайданах під Москвою,
Зроди шалений буревій
І вдарь стрілою огневою
На змія лютого... На бій!

И. К. Скубани. *(Румыния).*

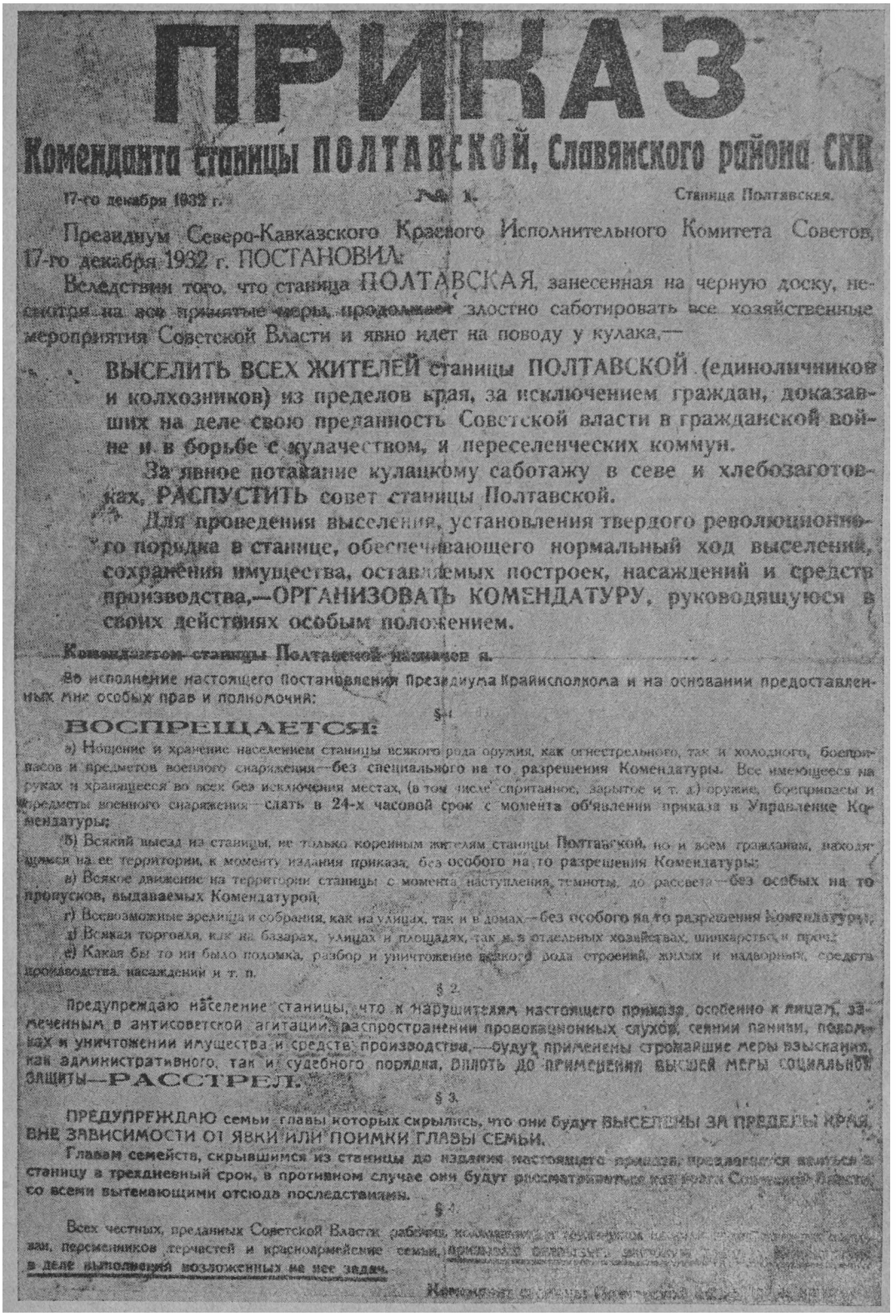
ВСЕ НА БОРЬБУ!

Друзья, в мучительном изгнаньи
О чем шумите вы всегда?
К чему слова позорной брани
И затаенная вражда?
Иль позабыли, как недавно,
Восстав за Родину свою,
С поработителями славно
Сражались в яростном бою?
Когда в пылу кровавой мести,
Дав волю острому мечу,
За торжество попранной чести
Бесстрашно шли плечо к плечу?
Вы были там родные братья —
Сыны отчизны дорогой —
И яд безумного проклятья
Не отравлял души собой...
Теперь, меж вами спор и злоба,
Сердца полны партийных дрязг,

И вам не слышен плач у гроба,
Оружья вражеского лязг...
Вас полонили бесы власти, —
Глаза, горя пожаром зла,
Не замечают жадной пасти,
Что рвет казацкие тела...
Перед лицом борьбы опасной,
Забудьте распри подлых дней,
Сплотитесь все семьей согласной
Вокруг спасительных идей.
Идеи смысл могуч и весок,
Дерзайте стать на новый путь!..
Пора с прославленных черкесок
Пыль чужеземную стряхнуть...
Все на стезю казачьей воли!..
Все против красной, мерзкой тли!..
За воскресенье светлой доли,
За мощь возлюбленной земли!

Вместо передовой статьи.

Документ, который говорит сам за себя:

ПРИКАЗ

Коменданта станицы ПОЛТАВСКОЙ, Славянского района СКК

17-го декабря 1932 г. № 1. Станица Полтавская.

Президиум Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета Советов, 17-го декабря 1932 г. ПОСТАНОВИЛ:

Вследствии того, что станица ПОЛТАВСКАЯ, занесенная на черную доску, несмотря на все принятые меры, продолжает злостно саботировать все хозяйственные мероприятия Советской Власти и явно идет на поводу у кулака,—

ВЫСЕЛИТЬ ВСЕХ ЖИТЕЛЕЙ станицы ПОЛТАВСКОЙ (единоличников и колхозников) из пределов края, за исключением граждан, доказавших на деле свою преданность Советской власти в гражданской войне и в борьбе с кулачеством, и переселенческих коммун.

За явное потакание кулацкому саботажу в севе и хлебозаготовках, РАСПУСТИТЬ совет станицы Полтавской.

Для проведения выселения, установления твердого революционного порядка в станице, обеспечивающего нормальный ход выселений, сохранения имущества, оставляемых построек, насаждений и средств производства,—ОРГАНИЗОВАТЬ КОМЕНДАТУРУ, руководящуюся в своих действиях особым положением.

Комендантом станицы Полтавской назначен я.

Во исполнение настоящего постановления Президиума Крайисполкома и на основании предоставленных мне особых прав и полномочий:

§ 1.

ВОСПРЕЩАЕТСЯ:

а) Ношение и хранение населением станицы всякого рода оружия, как огнестрельного, так и холодного, боеприпасов и предметов военного снаряжения—**без специального на то разрешения Комендатуры.** Все имеющееся на руках и хранящееся во всех без исключения местах, (в том числе спрятанное, зарытое и т. д.) оружие, боеприпасы и предметы военного снаряжения—**сдать в 24-х часовой срок с момента об'явления приказа в Управление Комендатуры;**

б) Всякий выезд из станицы, не только коренным жителям станицы Полтавской, но и всем гражданам, находящимся на ее территории, к моменту издания приказа, **без особого на то разрешения Комендатуры;**

в) Всякое движение на территории станицы с момента наступления темноты, до рассвета—**без особых на то пропусков, выдаваемых Комендатурой;**

г) Всевозможные зрелища и собрания, как на улицах, так и в домах—**без особого на то разрешения Комендатуры;**

д) Всякая торговля, как на базарах, улицах и площадях, так и в отдельных хозяйствах, шинкарство и проч.;

е) Какая бы то ни было подомка, разбор и уничтожение всякого рода строений, жилых и надворных, средств производства, насаждений и т. п.

§ 2.

Предупреждаю население станицы, что к нарушителям настоящего приказа, особенно к лицам, замеченным в антисоветской агитации, распространении провокационных слухов, сеянии паники, подомках и уничтожении имущества и средств производства,—будут применены строжайшие меры взыскания, как административного, так и судебного порядка, вплоть до применения высшей меры социальной защиты—РАССТРЕЛ.

§ 3.

ПРЕДУПРЕЖДАЮ семьи главы которых скрылись, что они будут ВЫСЕЛЕНЫ ЗА ПРЕДЕЛЫ КРАЯ, ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЯВКИ ИЛИ ПОИМКИ ГЛАВЫ СЕМЬИ.

Главам семейств, скрывшимся из станицы до издания настоящего приказа, предлагается явиться в станицу в трехдневный срок, в противном случае они будут рассматриваться как враги Советской Власти, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

§ 4.

Всех честных, преданных Советской Власти рабочих, колхозников и [illegible] красноармейские семьи, [illegible] в деле выполнения возложенных на нее задач.

Комендант станицы Полтавской

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

(Продолжение).

„Политика" Деникина в казачьем вопросе.

Мы уже отмечали в I-ой части очерков „Трагедия Казачества" то обстоятельство, что кубанские самостийники пред'явили Деникину обвинение в предательстве Кубани и Казачества вообще. Разберемся в некоторых событиях из истории борьбы Казачества в 1918 г., сопоставим факты и попробуем дать прямой и ясный ответ на следующий вопрос: что принесло казакам военное руководство Деникина кубанскими казачьими силами в 1918 и в начале 1919 года?

Донское Войско. Немецкие войска на Украине весною, летом и осенью 1918 г. надежно прикрывали Донскую территорию с запада. Донское казачество восстало поголовно против советской власти и в течение апреля-июня месяцев собственными силами освободило свою территорию, разгромив при этом в многочисленных тяжелых боях войска большевиков. После этого, как сказано выше, Дон успешно отражал все нападения большевицких армий на Донскую Землю.

О силах восставшего Донского Казачества и силах разгромленного им противника свидетельствует следующая таблица:

Даты	Силы Донск. Арм.			Силы противника		
	бойцов в тысяч.	орудий	пулеметов	бойцов в тысяч.	орудий	пулеметов
К 1 мая 1918	17	21	58	70	200	400
„ 1 июня „	40	56	179	65	170	350
„ 1 июля „	49	92	272	63,6	198	371
„ 1 декаб. „	49,5	153	581	131,2	450	2000

(См. Ген. штаба полк. Добрынин — бывший начальник развед. и оперативного отделений штаба Донской Армии: Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе Донского Казачества. Февраль 1917 — март 1920. Прага. 1921. Страница 111. Число орудий и пулеметов в большевицкой армии на 1-е дек. взяты из труда Егорова: Разгром Деникина, стр. 73-74).

Для того, чтобы можно было яснее представить размеры территории, очищенной Донскими казаками от большевицких войск, сравним размеры Донской территории с территориями некоторых современных государств:

	тысяч кв. килом.		тысяч кв. килом.
Дон	208	Эстония	48
Болгария	103	Латвия	66
Чехословакия	141	Литва	48
Югославия	249	Бельгия	30
Италия	313	Венгрия	93
Румыния	316	Франция	551

(См. И. А. Билый. Казачьи Земли. Территория и народонаселение. Прага. 1926. Стр. 10).

Из приведенных данных видно, что Донское Войско собственными силами освободило от большевицких войск территорию в два раза большую современной Болгарии, в полтора раза большую Чехословакии, только на 40 тыс. кв. км. меньшую Югославии...

Донское казачество не только освободило свою обширную область от большевицких войск, не только в августе-декабре 1918 г. отбрасывало все новые и новые волны московских красных войск, но оно, Донское Войско, сковало 30-ти тысячную X-ую большевицкую армию в Царицыне на Волге и не позволило ей в том году распространиться в сторону Кубани и Северного Кавказа для поддержки советских войск, боровшихся против Кубанцев, Терцев и Добровольцев.

Перерезав единственную железно-дорожную линию, соединявшую Кубань с Царицыным (Царицын-Тихорецкая-Екатеринодар - Новороссийск, Тихорецкая - Кавказская-Армавир-Минер. Воды-Владикавказ), Донское Войско перервало подвоз вооружения и огнестрельных припасов из Москвы для советских войск на Кубани и Северном Кавказе. Вследствие этого, для красного командования оставались только два пути для сношений с Северо-Кавказскими большевицкими армиями: 1. далекий и неудобный через Астраханские пески в Ставропольскую губернию и 2. через Каспийское море и Терскую область.

Таким образом, Донское казачество своими силами освободило свою обширную территорию и стальной стеной своих штыков, пик и сабель отгородило и прикрыло со стороны Москвы Кубанское и Терское Войска и численно чрезвычайно слабый Добровольческий отряд.

Широкие ворота между г. Азовом, который лежит при впадении р. Дона в Азовское море, с одной стороны, и г. Царицыным на Волге с другой, были надолго крепко заперты славными донскими полками для наступления большевицких московских войск на Кубань, Терек и вообще на Северный Кавказ. Кроме того, как мы видели (см. ч. I очерков „Трагедия Казачества"), Донские войска принимали непосредственное участие в боевых операциях кубанских войск против большевиков: в июне месяце на фронте Мечетинская-Егорлыкская и против Торговой и Великокняжеской, в сентябре-октябре — на севере Ставропольской губернии, в районе Торговая-Дивное.

С весны и до половины ноября месяца 1918 г. через территорию Дона шло с Украины оружие для Кубанцев и Добровольцев.

Терское Войско. В 1917 г. Терское Войско насчитывало всего около 275.000 душ населения обоего пола, и на его земле жило около 300.000 д. неказачьего (иногороднего) населения; южную часть Терской обл. с незапамятных времен заселяют горские народы — Кабардинцы, Осетины, Ингуши, Чеченцы и др. — общей численностью около 1.200.000 д. обоего пола.

Терское Войско занимает длинную широкую полосу земли, начиная от Войска Кубанского и до Каспийского моря; к северу от Войска Терского лежат Ставропольская и Астраханская губернии.

Малочисленность Терского Войска, разбросанность его станиц на сравнительно большой территории, превосходившее Терских казаков иногороднее население, давние распри у Терских казаков с горскими народами, в общем, создали для Терского казачества весьма сложные и трудные условия борьбы с большевицкими войсками.

Несмотря на все эти и многие другие препятствия и трудности, Терское Войско, после целого ряда попыток разрешить местные сложные вопросы мирным путем, сбросило с себя в июне месяце 1918 г. советскую власть и заняло своими отрядами длинную и, сравнительно, широкую полосу казачьей земли почти от Минераловодской группы и Георгиевска через Прохладную, Моздок, Грозный и до самого Кизляра и Каспийского моря. Сложны были перипитии этой борьбы Терских казаков за свои права, за свою землю. Но все же Терское казачество сумело, в невероятно трудных условиях, в течение 5-ти месяцев — июнь, июль, август, сентябрь и октябрь 1918 г. — держать в своих руках территорию, отбивать натиск большевицких

войск со стороны Кубани, со стороны Ставропольских степей и со стороны большевицкой базы — Астрахани.

Восстание Терского казачества против большевиков и упорная борьба с ними имели огромное значение не только для самого Войска Терского, но и для общего успеха борьбы с большевиками на землях Юго-Восточного Казачества:

1. Терские казачьи противобольшевицкие отряды насчитывали в своих рядах от 10-ти до 30 тысяч бойцов. Даже генерал Деникин, описывая борьбу на Тереке, с нескрываемой иронией признает, что Терские казачьи отряды, в среднем доходили до 12 тысяч чел. при 40 орудиях, (см. том IV, стр. 104) и, естественно, отвлекали на Терек значительные силы с большевицко-кубанского и с большевицко-донского фронтов;

2. восставшее Терское казачество, держа в своих руках большую территорию от Каспийского моря почти до границ Кубани, не позволяло московской власти набирать на этой территории пополнения для большевицких армий, боровшихся против Кубанского казачества в предгорьях Кавказа, в степях Кубани и Ставропольской губ.;

3. доблестные Терские казаки, захватив и удерживая в своих руках в течение 5-ти месяцев единственную на Северном Кавказе железную дорогу, идущую с запада на восток и связывающую Кубань с берегами Каспийского моря, перерезали этот единственный удобный путь сообщения Северо-кавказских большевицких войск с их главной базой в Астрахани и не допускали подвоза ни вооружения, ни огнестрельных припасов, ни московских войск на противокубанский большевицкий фронт;

4. не давая большевикам возможности производить мобилизацию в Терской области, отвлекая на себя большевицкие войска, перерезая сообщения Кубанской группы большевицких войск с их базой, нажимая с востока на большевицкие войска, дравшиеся против кубанцев, Терское казачество не только ослабляло большевицкие войска физически, но и подрывало моральное состояние и боевую стойкость большевицких войск на Северном Кавказе.

Таким образом, Донское казачество крепкой стальной заслоной прикрывало с севера Кубано-Добровольческие операции на Кубани и в Ставропольской губ. в течение всего 1918 г., а Терское казачество прикрывало эти же операции в июне — октябре месяцах того же года, с востока. С запада Кубанцев и Добровольцев хранило Азовское море, а с юга — Черное море. Вследствие этого для кубанцев и добровольцев создались благоприятные условия для ведения успешной борьбы с большевицкими войсками на Кубани и в Ставропольской губернии.

Ставропольская губ. Между Терской, Кубанской и Донской областями находится Ставропольская губерния. Большевицкая власть прилагала огромные усилия, чтобы людские рессурсы этой губернии использовать для борьбы с Казачеством. При приходе Кубано-Добровольческого отряда в июне месяце 1918 г. с Дона на Кубань (так наз. 2-ой поход), как сказано выше (см. часть I „Траг. Казач."), была взята, прежде всего, узловая станция Торговая, которая лежит в северо-западном углу Ставропольской губ. Потом Кубанцы и Добровольцы взяли большие Ставропольские села Песчанокопское и Белую Глину, а Кубанская дивизия Эрдели прошла по целому ряду сел той же губернии, лежащих к югу от Торговой, Песчанокопской и Белой Глины, и нигде наши войска не встретили серьезного сопротивления со стороны мобилизованных большевиками жителей этой губернии.

При операции на Тихорецкую левофланговая дивизия Боровского временно продвинулась в западную часть Ставропольской губ (район очень большого села Медвежьего) и тоже не встретила серьезного сопротивления со стороны ставропольцев. Несколькими днями позже полк. Шкуро с отрядом Баталпашинских и Лабинских казаков занял самый город Ставрополь, подойдя к нему с юга и сравнительно незначительными силами долгое время удерживал этот город в своих руках.

Эти операции Кубанских частей Эрдели, Боровского и Шкуро в пределах Ставропольской губ. летом 1918 г. показывают, что большинство жителей этой губернии уже тогда относилось пассивно к призывам большевиков и не проявляло охоты сражаться за московские большевицкие идеалы.

Потом большевики в сентябре месяце 1918 г. сделали большие усилия, не останавливаясь перед применением самых жестоких способов большевицкого террора, и кое-как набрали из ставропольцев две дивизии, которые оперировали в северной и северо-восточной части Ставр. губ. Однако, эти дивизии (см. часть I „Траг. Каз."), сравнительно, были разбиваемы Кубанскими казачьими частями под командой Улагая и Станкевича. Уже в ноябре месяце Кубанцы I-го корпуса под командой Врангеля прошли Ставропольскую губ. с боями на северо-восток от Ставрополя до самой Донской области и Астраханской губ., добили здесь и распылили окончательно остатки Таманской армии.

Ставропольское население, испытав на себе большевицкие насилия — расстрелы, грабежи, реквизиции — перенеся на своей земле с июня месяца всю тяжесть беспрерывной войны с ее постоянно передвигающимися фронтами, видя моральную правоту Кубанских, Донских и Терских казаков и их доблесть, это ставропольское крестьянское население только под непосредственной угрозой большевицких штыков и пулеметов шло в большевицкие полки.

Ген. Врангель, описывая уже за границей, в 1922 году, операции Кубанских частей в Ставропольской губ., дает следующую характеристику настроениям ставропольских хлеборобов:

„После разгрома (большевиков) на Урупе и Кубани, красные, стремясь пополнить свои поредевшие ряды, стали прибегать к широкой мобилизации, штыками и пулеметами заставляли идти за собой население из ближайших прифронтовых деревень. Поставленные насильно в ряды дрались, конечно, не охотно, при первой возможности сдавались в плен и в наших рядах, сражаясь за освобождение родных сел, дрались отлично". (Врангель. Записки, т. I, стр. 98).

При общей оценке состояния большевицких сил на Северном Кавказе следует хорошо помнить эту характеристику массы населения Ставрополья, данную русским генералом, непосредственно наблюдавшим это население в самый период войны. Как видим и для населения Ставропольской губ. большевицкая власть, по сути была властью чужой и могла удержаться здесь только благодаря применению большевиками жестоких насильственных мер. Это, конечно, облегчало борьбу Казачества с большевицкими армиями.

Кубань. Когда 10-го июня 1918 г. Кубано-Добровольческий отряд начал свой поход для освобождения Кубани, в этом отряде было восемь с половиной — девять тысяч человек при 21-м орудии, а у большевиков, в непосредственной близости, было 70-80 тысяч бойцов, разделенных на три главных группы: Азовско-Батайско-Кущевскую, Тихорецкую и Манычскую. В июне-июле месяцах Кубанцы, до известной степени поддержанные Добровольцами, последовательно разгромили неприятельские группы войск, очистили весь правый берег Кубани и 2-го августа того же года заняли столицу Кубани — Екатеринодар.

Сам Деникин, по своему разумению оценивая общую военную ситуацию, писал Кубанскому Атаману 2-3 августа о том, что тогда уже была освобождена „почти вся Кубань". Вскоре после этого Кубанские войска изгнали большевиков из Черноморской губ., занимали большую часть Ставропольской губ. с городом Ставрополем. В это же время, как мы говорили выше, восставшие Терские казаки занимали всю линию железной дороги от Кубани до Каспийского моря. Горские области — Кабарда и Осетия — тоже были очищены от большевицких войск.

Все эти обстоятельства поставили большевицкие войска на Северном Кавказе в весьма критическое положение. Кубанскими, Терскими и Горскими войсками

они сжаты между Ставрополем, Армавиром и Минеральными водами с трех сторон: с севера, с запада и с юга. Они могли сноситься только с нижней Волгой через обширные безводные Астраханские пески.

Перед этим, в течение почти трех месяцев, большевицкие войска были множество раз биты нашими войсками, потеряли огромную территорию, были деморализованы... Описывая состояние Северо-кавказских большевицких армий в это время (начало сентября 1918 г.), ген. Врангель, между прочим, удостоверяет, что в большевицкой армии было „неумелое руководство", и что „общее управление было из рук вон плохо" (Врангель. Записки. Стр. 71 и 74).

В то же время на нашей стороне было безусловное превосходство духа в войсках, которые возросли с $8^1/_2$—9-ти тысяч человек до нескольких десятков тысяч (на Кубани было только мобилизовано 10 призывных возрастов казаков и горцев). В начале похода на Кубань мы имели 21 орудие, а в начале сентября 80 орудий.

И что мы видим?

$8^1/_2$—9 тысяч человек Кубанцев и Добровольцев могли разгромить в июне-июле месяцах 70—80 тысяч большевицких войск; Кубанцы могли освободить почти всю Кубань. Терцы тоже освободили только своими силами почти всю казачью часть территории Терской области. Казачий Дон мог освободить к тому времени огромную территорию Войска Донского и продолжал с успехом бить большевицкие московские армии.

Дон был окружен Московскими войсками с трех сторон: со стороны Воронежской губ. (северо-запад), Тамбовской (север) и Саратовской губ. (северо-восток и восток) На Северном Кавказе, наоборот, большевицкие разношерстные, неорганизованные и деморализованные войска были нами окружены с трех сторон — со стороны Кубани, Терека и северной половины Ставропольской губернии.

Большевицкие войска, действовавшие против Дона в это время, без сомнения, были организованы и снабжены всем необходимым далеко лучше большевицких войск на Северном Кавказе.

Политическое и военное руководство и командный состав у большевицких войск против Дона, вне сомнения, были лучше политического и военного рукородства и командного состава большевицких войск Северного Кавказа: Троцкий, Сталин и Ленин были сильнее и умнее евреев Рубина, Крайнего, Дунаевского и Режанского, этих главарей Северо-Кавказской Советской Республики, а „красные" генералы Сытин, Егоров и Чернавин сильнее кавказского большевицкого „главкома", фельдшера Сорокина...

Большевицкие войска, наступавшие из России на Дон, шли с голодного Севера на тогда еще богатый Юг; для них была понятна и ясна непосредственная причина похода (за хлебом). Кроме того, ведь, все таки с Севера шла настоящая Россия на свои колонии по издавна привычной дороге. Необходимость этого похода об'единяла все слои русской общественности.

В то же время такой ясности целей борьбы у большевиков Северного Кавказа, безусловно, не было. Не следует забывать того об'ективного факта, что большинство населения Северного Кавказа, а не только Казачества, было охвачено сепаратистическим настроением, чем и об'ясняется провозглашение Кубанской, потом Черноморско-Кубанской и, наконец, Северо-Кавказской Советских Республик.

Казачьи края буквально горели ненавистью к большевикам, а Ставропольская губ., в общем, держалась пассивно (см. выше отзыв Врангеля).

Для всякого разумного человека было совершенно ясно, что скорейшая помощь восставшему Казачьему Тереку вызывается интересами не только Терека, но и всей освободительной противобольшевицкой войны. Соединение наших войск с восставшим Терским казачеством увеличивало нашу армию двумя-тремя десятками тысяч храбрых бойцов, деморализовало в конец большевицкие войска на Северном Кавказе и приближало день общей ликвидации этих войск в этом богатом крае.

Что же делает командующий кубанскими вооруженными силами генерал Деникин?

Вместо так необходимой помощи Тереку живой силой, в сентябре месяце ген. Деникин начинает кровавый и гибельный для Казачества танец в районе Армавира, Ставрополя и около Невиномысской. Деникин руководствуется не интересами Кубани, Дона и Терека, а интересами Единой, Неделимой России. Он принимает различные меры для закрепления за собой Кубанских вооруженных сил, а на Терек, вместо войск, 9-го сентября 1918 г. посылает распоряжение своим агентам — „добиваться установления на Тереке единоличной атаманской власти" (Деникин. Очерки, т. IV, стр. 103—104). На примере сношений с Кубанским Атаманом Филимоновым русские люди убедились в том, какие большие удобства сулит единонеделимцам единоличная власть атамана в деле набрасывания русских сетей на вольнолюбивое Казачество. С единолично властвующим атаманом можно легко и незаметно обманывать рядовое казачество и впрягать его в русский монархический шарабан.

Терский фронт действительно изнывал в неравной борьбе, победа большевиков над казачьим Тереком означала приход кровавой большевицкой власти, новые казни тысяч лучших сынов Терека, уничтожение имущества и увеличение сил зажатой с трех сторон, деморализованной уже большевицкой армии, означала ненужную затяжку войны и новые потоки крови...

Чрезвычайно близорукая, как всегда, рассчетливая и жестокая московская единонеделимческая политика руководила стратегией и тактикой Деникина. Терек изнывал в борьбе, а доблестная Кубанская армия, сама охватив большевицкие войска со стороны Баталпашинского отдела (с юга), со стороны р. Лабы (с запада) и со стороны линии Армавир—Ставрополь (с севера), почему-то теперь никак на могла сдвинуть с места упавшие духом, деморализованные и имеющие „из рук вон плохое управление" (слова Врангеля) большевицкие войска, среди которых главную ударную группу составляла т. наз. Таманская армия, состоявшая из иногородних Кубани.

Перед этим Кубанцы, как могучие степные орлы, летали по степях Кубани и Ставрополя, громя большевицкие полчища и освобождая станицы и села... А теперь те же Кубанцы, как заколдованные, совершали „бег на месте", неся большие и ненужные потери. При этом происходят какие-то странные события: 13-го сентября дивизия Дроздовского оставляет Армавир, Деникин направляет потом главные силы ее против Михайловской группы большевиков, с которыми дралась дивизия Врангеля, при чем, как свидетельствует Врангель, он не был предупрежден о присылке ему этой „помощи"; дивизия Дроздовского и здесь не только не имела никакого успеха, а отступила к Петропавловской, понеся большие потери, как говорит Деникин; после этого эту дивизию Деникин переводит к Ставрополю, занятому перед этим Кубанцами, но 14-го октября Дроздовский отдает Ставрополь большевикам.

В это самое время в управлении большевицкими войсками происходит полный развал, большевицкий центр охватывает полная анархия: в сентябре месяце расстреливают командующего Таманской армией, в октябре большевицкий „главком" Сорокин расстреливает председателя и 4-х членов Центрального Исполнит. Комитета С.-Казказ. Совет. Республики, а через несколько дней после этого большевики убивают и самого Сорокина. Большевицкие войска охватывает агитация борющихся между собою групп, обвиняющих одна другую в измене и предательстве. Большевицкие части сами голосованием решают вопросы тактики и стратегии: некоторые части постановляют перейти в наступление и действительно переходят, другие — постановляют начать отступать и осуществляют свое решение... Значительная группа большевиков самовольно бросила Северо-Кавказский фронт и ушла к Царицыну...

Деникин как-будто всего этого не видел и не слышал, хотя под его непосредственной командой имелось на фронте не менее 40 тысяч прекрасных бойцов, впереди — восставший Терек, на Севере — могучий Дон...

Кровавый танец продолжался... Совершенно напрасно гибли тысячи людей... Борьба на Северном Кавказе затягивается, ибо генералы поджидают, пока клятво-

преступники и предатели из среды самого Казачества подготовят открытую дорогу для... „белого генерала“... В это время Деникин вел, в буквальном смысле, грызню с другим кандидатом в диктаторы России, ген. Красновым (см. статью генерала Краснова „Всевеликое Войско Донское“, Рус. Архив, т. V.).

Через Кубанского Атамана Филимонова и его соратников Деникин склонял Кубань под свою власть. Он ожидал, пока его сторонники и агенты „добьются уссановления на Тереке единоличной атаманской власти“. На Дону уже была такая власть в лице Донского Атамана, ген. Краснова. Почему же Деникин так систематически и упорно боролся против этого Атамана, под общим руководством которого Дон бил московские армии, без сомнения, более сильные, нежели те, которые стояли против Деникина на Сев. Кавказе.

Пока Деникин с своими тайными и явными помощниками из казаков вел свою игру, прошел весь сентябрь и октябрь месяцы... Терек не дождался помощи со стороны Кубани. Тем временем Москва прислала через Астрахань на Терек, к Кизляру, хорошо вооруженные красноармейские части, с которыми Терские казаки принуждены были вести упорные бои; Кизляр переходил из рук в руки. В это время большевики повели наступление на Терское Войско и с запада, со стороны Минеральных вод, и Георгиевска. Продержавшись долгих 5-ть месяцев в неравной борьбе, испытывая с конца октября сильный натиск большевицких войск с востока и с запада, и не видя ни откуда помощи, дрогнул Терек... Большевики начали захватывать станицу за станицей. В ноябре 1918 г. Терек снова оккупировали большевики, и полилась от руки московских красных палачей казачья алая кровь. Работу красной Москвы невероятно облегчило белое русское командование Кубанскими казаками. Деникин не дождался тогда „установления на Тереке единоличной атаманской власти“, которая послушно повела бы Терек за Деникиным... И Славное, и многострадальное Терское Войско, по воле вождя русского белого движения — Деникина, было отдано на поругание красного русского вождя — Ленина.

Только 4 тысячи Терцев, казаков и горцев, пробилось через предгорья Кавказа на Кубань и в Баталпашинском отделе присоединилось к Кубанским казакам.

Казачество, боровшееся против красной России с огромным напряжением всех сил, дорогою ценою заплатило за свое подчинение вождю белой России. Вместо увеличения Кубанской армии за счет Терской, была дана возможность большевикам увеличивать и усиливать свои армии за счет русского населения вновь покоренного Терека...

Неужели казаки когда-либо забудут этот кровавый урок сотрудничества с русскими людьми?!

Кто может сомневаться в том, что в сентябре и октябре месяцах 1918 г. Кубанские полки могли помочь Тереку и этим самым помочь себе и Дону?

Если Донское Казачество, руководимое казачьими офицерами и казачьим штабом в Новочеркасске, в это время могло разбивать большевицкие Московские армии, могло защищать свои границы на 800-т верстном фронте, если Донское Казачество в это время успешно вело борьбу в пределах соседней Воронежской губернии, то Кубанские полки, если бы только ими руководило надлежащее казачье командование, а не русские беженцы-генералы, еще в сентябре месяце покончили бы с большевицкой группой войск, скопившихся в районе Невиномысская-Ставрополь-Минеральные Воды, во время бы протянули руку помощи Терским казакам и общими усилиями справились бы с остатками большевицких армий на Северном Кавказе. Выход казаков Кубани и Терека на помощь Дону в ноябре-декабре месяцах 1919 г. спас бы Дон от такой катастрофы, которую он пережил зимою 1918-1919 г. Ведь у казаков с незапамятных времен так высоко развито чувство братства, взаимной поддержки и помощи в бою! Ведь у казаков считается величайшим позором оставить раненого казака в одиночестве на поле сражения!

А тут израненый братский Терек попадал в большевицкую неволю, а освободившаяся Кубань не подавала прямой вооруженной помощи. Над Доном нависли грозные тучи со стороны „Матушки Москвы“, а Кубань и Терек не выходили на помощь братскому Дону против общего врага.

В самом деле, почему Кубанцы и Добровольцы, начав поход на Кубань в июне 1918 г. могли так быстро и, сравнительно, легко разгромить большевицкие войска у Торговой, Песчанокопской, Белой Глины, у Тихорецкой, у Кущовки, у Кореновской, у Брюховецкой и Тимошовки, разгромить 70-80 тысячные армии большевиков, и почему теперь, в сентябре-октябре месяцах, Кубанцы, увеличивши свои ряды в несколько раз численно, воодушевленные предыдущими победами, не могли справиться с в конец деморализированными, митингующими, переживающими кровавые распри в центре своего руководства, большевицкими войсками?

Или пал воинский дух у славных Кубанских полков? Или их оставила доблесть? Или у них не было желания помочь Тереку и Дону? Или они, от природы военные люди, у которых военное искусство вырабатывалось веками и передавалось из поколения в поколение, не понимали, что в осенние месяцы легче вести военные операции, нежели в холодные зимние месяцы, когда привольные степи Кубани и Ставрополья находятся во власти буранов и метелей или представляют из себя почти непроходимые и непроезжие просторы липучей, как клей, и тяжелой, как свинец, глубокой грязи? Ведь, каждый казак хорошо понимал, что оставление противника у Ставрополя и Минеральных Вод означает зимнюю кампанию...

Само собою разумеется, было у Кубанцев желание поскорее покончить с врагом, как всегда и всюду была присуща им высокая доблесть и могучий порыв; было у них горячее желание помочь братскому Тереку, только путало их по рукам и по ногам русское белое командование, опиравшееся на Кубанского Атамана Филимонова и кубанских политиков, вроде Ф. Сушкова, Д. Скобцова, П. Каплина, Н. Долгополова и им подобных, опиравшееся на кубанских офицеров, вроде В. Науменка, Шкуры и им подобных (см. ч. I. очер. „Трагедия Казачества“).

(Продолжение следует).

От редакции.

Первая часть труда „Трагедия Казачества“, печатающегося в нашем журнале, вышла отдельным изданием. Книжка эта рассылается ныне вольным казакам. Настоящим всем, получившим ее, предлагаем уплатить нам ее стоимость или теперь же, или соответствующей прибавкой к подписной плате за журнал на 1934 год.

Цена книжки: в ČSR 10 kč., заграницей — 10 французских франков.

Удобнее всего послать нам эту сумму в письме четырьмя международными почтовыми купонами, которые можно купить на любой почте (но не забыть попросить поставить надлежащий штемпель).

Своевременной уплатой стоимости I части „Трагедии Казачества“ вольные казаки дадут нам возможность выпустить в свет отдельными изданиями и последующие части того же труда.

Те, кто получил несколько экземпляров I части, пусть продадут ее по указанной выше цене и вышлют потом вырученные суммы (тоже можно почтовыми купонами) — тем они тоже помогут нам в нашем общем деле.

Т. Стариков.

О коннице.

Конница в Великой войне.

Мало кто ясно представлял себе, какие формы и размеры примет война, начавшаяся в 1914 г. Даже в сроках войны ошибались. Многие утверждали, что она продлится не больше 3 месяцев. Но она тянулась 4 года. Технические достижения ее были чрезвычайны: газы, танки, всевозможных систем аэропланы, огнеметы, минометы и пр. Армии не были раньше подготовлены к такой технике. Вся тактика, все способы боевых операций должны были измениться и приспособиться к создавшейся технике уже во время самой войны.

Конница во всех странах, в том числе и в России, была также не подготовлена к ведению войны при современной технике. Приспособиться к новым требованиям за короткий срок, как сделала это пехота, она не могла и поэтому осталась мало использованной.

Проф. Н. Головин говорит, что „конница всех европейских армий вступила во всемирную войну, исповедуя учение шока. Картина конных атак Фридриха и Наполеона упорно гипнотизировала военные умы". „Правда", говорит он, „что войны 1870—71 г., Англо-Бурская и Русско-Японская ... заставили внести некоторые поправки", но и только. „А между тем мир уже имел опыт американской войны, в которой ярко обрисовался тип современной конницы. Моргин, Стюарт и Шеридан дали миру новые образцы для действий кавалерии. В России же был ценный опыт природной конницы-казаки, который остался недостаточно оцененным, заслоненный кавалерийской доктриной регулярной конницы". По его мнению „новая кавалерийская доктрина требовала нового символа веры, в котором основными членами были: кавалерия бьет не силой шока, а быстротой маневра, кавалерия не боится широких фронтов, управление даже небольшими частями принимает часто характер стратегического руководства." Еще дальше он утверждает, что „сила современной конницы основывается на свойствах современного огневого боя."

Последнее положение особенно справедливо. Этой истины конница перед выходом на Великую войну не знала. Даже больше, она не имела о ней никакого представления.

Но коннциица перед Великой войной была прекрасно обучена верховой езде, управлению конем, стрельбе, рубке, уколам, линейным учениям, атакам и пр. В этом отношении кавалерия была прекрасна. Дух ее стоял высоко, желание работать было огромное. Воспитание в духе жертвенности, героизма, служения родине не оставляли желать лучшего. Но на маневр, на действия рассыпными строями, на изучение свойств огневого боя, на выполнение задач стратегического характера не было обращено внимания. В этом отношении конница к войне была не подготовлена. Действовать в конном строю по старым шаблонам не позволяла сила огня, сражаться, как пехота, по многим причинам, было нельзя (главное — не доставало огневых средств), о комбинации огня, маневра и конной атаки никто не думал. Некоторые дивизии совершенно не вели боев, ограничиваясь только разведкой. Редко кто из генералов мог управлять конными массами в создавшихся новых условиях боя.

Но несмотря на такую неподготовленность к войне, мы видим на Галицийском фронте ряд блестящих действий конницы. 16 кавал. дивизия совершает глубокий рейд на Перемышль и задерживает австрийское сосредоточение; видим настойчивое преследование 9, 10, 12 и 16 дивизий про-ка на Краков, при чем 10 дивизия графа Келлера берет массу пленных, а в другом месте доводит атаку на конницу до удара холодным оружием.

Гораздо хуже обстояло дело на севере. Там или не было хороших кавалерийских начальников, или условия боя были другие. Скорее последнее.

При первых же столкновениях с немецкой кавалерией сразу же обнаружилось, что она не одна, что неотступно за ней следует пехота, с которой русская слабо вооруженная конница ничего не могла поделать. Самокатные пехотные части всегда поспевали на помощь своей коннице и при наступлении вели пехотные атаки, при обороне быстро образовывали опорные огневые пункты, которым русская конница ничего противопоставить не могла. Это и было одной из главных причин, почему конница на севере имела слабый тактический успех.

В стратегическом отношении дела обстояли лучше.

Проф. Н. Головин рассказывает о действиях конницы в своем труде: „Мысли об устройстве конницы" и подвергает анализу эти действия. Он говорит о том, что когда немцы повели широким фронтом наступление на восток с целью захвата Польши, то Русское командование вынуждено было отказаться от вторжения в пределы Венгрии с тем, чтобы остановить немцев. „Но в этом направлении у нас не было войск, не было и жел. дорог, сколько надо для своевременного подвоза нужных сил. Нужно было подвозить по грунтовым дорогам. А на это нужно было время. Необходимо было во что бы то ни стало задержать продвижение немцев. Для этой цели здесь было собрано 5, 8 и 14 кав. дивизии, 3 и 6 Донские каз. дивизии и Туркестанская бригада."

Во главе этой конницы был поставлен ген. Новиков. Она старалась, где возможно задерживалась, проникала между колоннами про-ка. Задача была выполнена. Командование успело сосредоточить нужные войска и ценой огромных потерь отстояло Варшаву. Немцы отступили.

Необходимо указать, что сил конницы было так много, что она могла бы сделать гораздо больше. Офицерам и казакам 5 Дон. каз полка пришлось наблюдать жуткую картину, как на их глазах немцы в буквальном смысле расстреливали под Опатовым гвардейскую и 3 стрелковую бригады, но ничем помочь этой гибнущей пехоте не могли. Немцы имели массу артиллерии и огромным радиусом защищали свой левый фланг, против которого была оставлена ген. Новиковым 5 кав. дивизия (сам Новиков с 8 и 14 кав. дивизиями ушел на правый берег Вислы для выполнения новой задачи). 5 дивизия со своими 12 орудиями не могла облегчить положения пехоты.

Под прикрытием крепости Новогеоргиевска корпус Новикова (5, 8 и 14 кав. див.) был брошен во фланг и тыл немецких войск. Предстояла обильная жатва. Но и здесь конница ничего сделать не могла. На ее глазах шли обозы, шли колоны. Немцы искусно прикрывали свое движение. Куда бы ни сунулись кавалеристы, всюду были пушки и пулеметы.

Конница Новикова докатилась до Калиша, немцы отходили быстро на Ченстохов и увлекали за собой русские армии на юго-запад; когда они зашли уже далеко, а конница Новикова была возле Калиша, Немцы из-за Торна ударили по правому флангу русских войск. Бывшая на правом фланге 8 дивизия была смята и рассеяна. Коннице приказали быстро отходить к Лодзи. Она шла день и ночь. Отсюда 5 кав. див. была брошена еще дальше на восток, чтобы прикрыть правый фланг пехоты. Оставшиеся две дивизии вместе с пехотой попали в кольцо около Лодзи. И вот, на глазах 5 дивизии, огромные колонны германцев совершали свой знаменитый обход русского правого фланга с целью полного окружения лодзинской группы. Она только наблюдала, но ни остановить, ни задержать не могла. В продолжении всей операции она толкалась о германские заграждения, но повредить им не имела сил.

В начале 1915 года на севере, в Поневежском направлениии, обнаружилось наступление германцев. 5 кав. див. была брошена туда.

В самом начале здесь действовала только немецкая кавалерия. Борьба была легкой. Она не выдерживала натиска русской конницы. Мелкие стычки кончались поражением немцев. Атаки крупными частями не производились. Всюду немецкая кавалерия подпиралась самокатчиками. Часто эскадроны высылались с этой пехотой, а пулеметы были при них почти всегда. Пере-

вес в огне сразу же был на стороне немцев. Русские эскадроны и казачьи сотни были бессильны бороться с ними. Все дороги, имеющие хоть какое либо значение, все дефиле непременно оборонялись пулеметами. А у русской конницы пулеметов было только по 8 на целую дивизию. И при том их так берегли, что очень редко употребляли в дело. Единственная возможность борьбы с немцами заключалась в обходе их флангов. Тогда немцы стремительно бросали пункт обороны и уходили к своим войскам.

Не только пехота, но и конница, по занятии какого-либо пункта или позиции, сразу же окапывались, ставили пулеметы и во много раз увеличивали свою сопротивляемость. К маневрам, вроде обхода фланга, прибегали только сотни и эскадроны. Крупные конные соединения редко это делали. В конце 1915 г. немецкая конница, прорвав русские завесы у Цвенцян, совершила глубокое продвижение в тыл русских войск. С нею было большое количество артиллерии, пулеметов и пехоты-самокатчиков. Немцы прошли на 4 перехода вглубь русского расположения. Под этой угрозой весь русский фронт южнее Цвенцян стал откатываться на восток.

Русское командование решило ответить немцам тем же.

И вот в одном пункте собрано было, как тогда говорили, 12 кав. дивизий (по Головину — 10). Создан был таким образом огромный кулак, которым можно было многое сделать. Офицеры заранее ликовали. Но они были жестоко разочарованы. Никакого прорыва и никакого рейда не совершилось.

А между тем прорвать фронт на этом месте было чрезвычайно легко. Немцы только начинали рыть окопы. Не было еще ни проволок, ни сплошных окопов. Три дня стояла тут русская конница и когда с'ела все запасы, которые имелись у населения, была разведена по другим направлениям. После этого конница на севере была посажена в окопы и, как конница, уже не действовала до конца войны.

Русская кавалерия не оправдала тех надежд, которые на нее возлагали. Причину этого теперь ищут многие военные писатели. Общего взгляда еще пока нет. Одни думают, что конница была слабо вооружена, другие, что она слабо подготовлена к тем условиям войны, какие создались на фронте; третьи утверждают, что высшие начальники не понимали духа той тактики, которая нужна была на фронте, не могли к ней приспособиться... Но все они думают, что конница не отжила свой век, что она еще нужна на войне. Проф. Головин утверждает, что отжил шок, что будущее конницы в рассыпных строях, в действиях мелких частей, в маневре. Он подробно разбирает действия конницы при разведке, в нащупывании контура про-ка, в действии в тылу, на фланге и пр. В результате этих разборов он отводит коннице в будущем значительную роль, как делают это и другие писатели.

Взгляд на конницу в западных государствах после Великой войны.

На западных фронтах с самого возникновения войны стала господствовать техника. Там почти не было массовых действий конницы. Только в начале войны допозиционного периода конница употреблялась в авангардных и ариергардных боях. Когда же все живое должно было уйти под землю и огородиться бесконечными рядами колючей проволоки, когда все маневрирование свелось к переброске технических средств с одного места на другое, для конницы не было уже места. Она должна была ждать того времени, когда фронты будут сломлены, когда техника взаимно уничтожит друг друга, а воюющие стороны будут вынуждены перейти к маневру. И только тогда конница могла проявить себя во всей своей силе. Но до этого на западе дело не дошло. Поэтому там остались при мысли, что конница не может участвовать в будущей войне в том виде, в котором она вышла на войну. Там отвергли, что конница сможет атаковать сомкнутыми строями, наносить удар массой и создали для нее новые инструкции.

Во французском кавалерийском уставе, в § 201, говорится: „могут представиться случаи, когда, пользуясь внезапностью своего появления, части полка атакуют в конном строю. Действия, ввиду быстротечности, не могут быть связаны особыми формами. Однако, важно сочетать конную атаку с действиями огня. Если артиллерийская часть может действовать, то она должна принять участие по собственному почину".

В следующих параграфах сказано: „В некоторых случаях командир полка может принять маневр с целью наведения частей про-ка на организованный им фронт огней".

В германском кавалерийском уставе, в § 164, говорится: „сущность кавалерийского боя заключается в сочетании движений коня и огневого действия в спешенном строю. Последнее может быть связано с конной атакой". „Несмотря на все усовершенствование огня, отдельные эскадроны и меньшие части могут достичь решающего успеха конною атакою ошеломленного и морально надломленного врага" (§ 194). „Полк почти всегда атакует в спешенном строю" (§ 385).

Как видно, в этих уставах уже нет указаний на конные бои в прежнем виде, на атаки больших конных масс, а о шоке нет и помину.

Коннице отводится возможность атаковать незначительными частями и то только в редких случаях, когда противник ошеломлен, морально надломлен; маневр допускается только тогда, когда можно навести части про-ка на организованный фронт огней.

Вот что сделала техника на западе. Она изменила тактику пехоты и радикально уничтожила прежнее значение конницы, сведя деятельность ее к нулю.

И неудивительно. Во Франции в начале войны было 4.300 орудий, из них тяжелых 308, а в конце войны стало 12.000 орудий и из них около половины тяжелых. Пулеметов было 24 на пех. див., а в конце войны стало 108 тяжелых, или станковых, и 576 ручных. Боевой состав артиллерии был 431 т. или 20% от всего войска, а к концу войны стало 1.100.000 или 38%. В 1870—71 году потери от арт. огня были 25%, а в великую — 67%. Известно, какое огромное количество употреблялось аэропланов, танков, минометов, бомбометов и пр. Маневры совершались при помощи жел. дор. и автомобилей. Немцы подвозили свою пехоту к Лодзинской операции на 3.000 автомобилей. Созданы были небывалые укрепленные линии с лисьими норами, многочисленными рядами колючей проволоки. Вот, вследствие так невероятно развившейся техники, французы и немцы и отвели для своей конницы такую скромную роль. Англичане же превратили эскадрон в прислугу для технических средств.

Вольноказачьим организациям во Франции:

Настоящим предлагается всем вольноказачьим станицам, хуторам и группам во Франции немедленно сообщить свои адреса Александру Константиновичу Ленивову (M-eur Lenivoff, 20, Chemin St. Alban à Parilly, Lyon, Rhône), сообщив и количество своих членов.

Сведения эти нужны для решения вопроса об устройстве „окружного" с'езда ВК во Франции.

Для ускорения дела и для сокращения переписки, предлагается одновременно же сообщить, сколько своих представителей каждая организация может послать на с'езд за свой счет.

С'езд предполагается созвать в течение Рождественских праздников в Париже или Лионе.

Роман Кумов (†).*)

Игумен Иосаф.

(Из донских преданий).

В этом краю постоянно шелестели леса, скрывавшиеся в глубоких оврагах — длинных и широких, как долины, подымался вверх каменистые горы, плескалась в низких берегах река — неясная и задумчивая, как вечернее небо. Людей здесь было мало, и случайно путник, попадая в этот край, выносил в душе воспоминание только о безбрежно расстилавшейся степи, о постоянном шелесте леса, о неясной, покрытой серебристым покровом реке и приречных насупившихся горах. Певцы, побывав в этом краю, потом пели на своих бандурах долгие заунывные песни, в которых дрожал от ветра придорожный звонкий ковыль, мутилась в своих водоворотах желтым поддонным песком серебрянная речка, беспокойно, словно перед опасностью, шелестел низкий степной кустарник. И когда певец хотел поведать людям, какой народ живет в этом краю — краю степи, леса и тихой реки, он звенел на своих струнах, то тихо и кротко, словно в том краю были не люди — вечно волнующиеся и спешащие, а тихие полевые цветы, облитые росою, — то порывисто и страстно, как гром на горах, как голубое томленье и бесконечно далекий порыв.

I.

Звонили...

Словно кто-то бросал с низкой, темной, облепленной мхом колокольни что-то круглое, золотистое, шумящее, бросал на тихую реку, бозмолвно-застывшую в своих лесистых берегах, на белые горы, на степи, позолоченные последними солнечными блестками. Бросал одно за другим из неистощимого запаса золотых мягких звуков, и те плыли — певучие, тихие, вечерние, плыли и таяли, обрамленные тишиной и неподвижностью... Неожиданно звуки сгустились и посыпались на землю часто и радостно, словно золотой дождь. Сначала зазвенели маленькие колокольчики — чистые и тонкие, как ласточки, к ним пристали средние — гибкие и красивые, вслед за ними потянулись тяжелые, массивные удары, и вот вся толпа звуков устремилась с колокольни на маленькую вечернюю землю, устремилась веселая, разноголосая, золотистая, как потоки весною, и тихая река, горы и лес покрылись тонкими игривыми блестками. Эхо, в заречном лесу, тоже бежало и шумело над длинными одинокими озерами.

Жизнь маленького монастыря на некоторое время сосредоточилась в церкви. Шла всенощная, горели огоньки, пахло ладаном. Певчие пели старинным печальным напевом вечерние песни. Монахи, в простых бедных одеждах, с темными скуфейками на головах, занимали всю небольшую церковь...

У каждого из них позади протянулась длинная законченная полоса жизни. Далеко от свода, в иных краях, прошла она, как проходит синей степью грозовая туча. Темнело небо, молнии рассекали тьму, глухо отзывалась земля... Была гроза, была бурная, страстная, волнующая жизнь! Они прожили ее и потом — кто с глубоким шрамом на лице, кто с незакрывающеюся неизлечимой раной в сердце — ушли сюда — на тихую реку, на степи, на волю, ушли в маленький спрятавшийся между горами скит и здесь затихли.

Всенощная окончилась. Уже сумерки смотрелись в окно и, как свечка, засверкала на небе первая звездочка. Монахи собрались совсем уходить из церкви, когда на амвоне неожиданно показался игумен.

Игумен был типичным казаком. В душе больше всего любил волю, степь и... этот маленький убогий скит. Говорили, что когда-то он ходил в поход на Азов и на турок и оттуда вывозил много всяких заморских диковинок. Говорили, что лют и беспощаден был он в сражениях с басурманами: рубил поганым головы без счета и любовался предсмертными муками своих врагов... И турки прозвали его: „Иосаф — Коршун“...

В заброшенном на берегу тихой реки монастыре он сделался игуменом. Рассказывали, что своими руками построил Иосаф — Коршун маленькую деревянную церковь. Сам с'ездил в далекую Московию и вывез оттуда на редкость звонкие колокола... Он любил эти колокола. Часто — среди дня — он влезал на колокольню и тихо перезванивал. И была в этом перезвоне такая грусть — точно синий туман по окраинам степи, и все затихало тогда в монастыре: монахи выходили из своих келеек и слушали, и давняя жизнь вставала перед ними, и глубоко щемило сердце.

Монахи любили его. Игумен никогда не допускал несправедливости. Он был вспыльчив и строг, но скоро стихал и, как раскаяние, жалость охватывала тогда его сердце, и он прощал виновных. В нем сохранилось много черт казачьего „лыцаря“. Был прям в словах, любил правду и, когда кто-нибудь просил у него помощи, немедленно вставал на защиту. Старый, коренастый, он в своем скиту был игуменом — тихим и добрым, любящим, перезванивал на низкой колокольне. Но если кто ночной порой прибегал к нему с вестью, что татары шалят вблизи и уже много православных побили, он немедленно садился на коня и — впереди своих монахов — мчался туда, где творилась неправда... Бывало около монастыря проходили воровские шайки русских удальцов. Но они не трогали монастыря. Оставят далеко за стенами своих коней и оружие и кроткие, как агнцы, войдут в обитель, подадут за свои души выкуп на церковь и, как невидимки, скроются в просторной степи... Игумен всегда выходил к этим неожиданным „богомольцам“, благословлял их, но ничего не говорил. И только когда молодцы уедут, над монастырем — с маленькой колоколенки — долго раздавалось перезваниванье игумена — задумчивое и грустное.

Иногда, в полночи, монахи видели, как игумен выходил из своих покоев, перелезал огорожку и спускался к реке. Там всегда стояла монастырская лодка. Игумен садился на нее и, тихо покачиваясь, начинал петь... Река обмывала свои низкие берега, шурша и ласкаясь, лес молчал на том берегу, а он пел мягким старческим голосом. До монастыря доносилась мелодия песни — долгая, с переливами на концах, словно молящаяся о чем-то, словно вспоминающая, словно тоскующая... И все думали в монастыре, что старик молится и тоскует...

В монястыре, на колокольне, всегда сидел караульный монах — для наблюдения: не едет, ли кто вблизи? И если кто нибудь ехал или шел, он ударял в колокол. Навстречу к путникам всегда выходил сам игумен. Он спрашивал — зачем путник зашел в их края? И если путник отвечал, что он бежал от неправды, монастырь и игумен гостеприимно раскрывали перед ним двери. Гонимый мог — по желанию — остаться навсегда в монастыре... И далеко по донским степям шла молва о маленьком монастыре, где все гонимые могли найти приют и покой.

... Игумен стоял перед своими монахами на высоком узком амвоне. У него в руках была хартия — грубая желтая бумага, похожая на ткань и на кожу. Он мял ее в своих руках — возбужденно и страстно, и сквозь сумрак можно было рассмотреть, как загораются гневом черты его старческого лица...

— Слыхали, что привез давешний посланец из Москóвии? Грамоту привез. Наказывают, чтобы мы беглых в свой монастырь не принимали. Чтобы о них в Московию доносили... Слышите?

А я думаю, не бывать этому! — вдруг вспыхнули среди тьмы его глаза. — Не бывать! Здесь монастырь!.. Здесь нет людей: здесь Бог... и мы... иноки Его... Божье тут царство... Так и скажу им. Сам поеду в Московию и скажу им всем: не бывать этому!.. А пока вам вместо меня будет Иван. Слышите?

— Слышим... — отозвались монахи.

*) От ред. Печатаем „Игумена Иосафа“ покойного Р. Кумова (умер в 1919 году), чтобы не только напомнить казакам, что своя литература была у них уже до революции, но и дать время от времени образцы этой литературы.

II.

Иван...

Когда старик пришел на место, где стоял теперь монастырь, вместе с ним появился Иван — тщедушный мальчик, лет семнадцати, с белокурыми волосами, с большими голубыми глазами, смотревшими открыто и ясно. В его движениях — мягких и волнистых, в говоре — тихом и печальном и особенно в голубых глазах — кротких и задумчивых — отразилась родная вольная степь. Он был сын степи ... и иногда, когда Иван бродил по степи и рвал для венка маленькие степные цветы, — синенькие и розовые, казалось, что степь украшает его небольшую белокурую головку своими маленькими ласками... Он любил степь. Иногда по целым дням пропадал он в ее глубоких оврагах, на дне буйного степного потока. Часто лазил по меловым горам, нависшим над рекою, и рвал тонкие серебрянные бессмертники. Любил бродить по лесу, прислушиваясь к шуму деревьев и звонкому эху лесных озер. О чем он думал в свои одинокие прогулки, никто не знал. Только когда возвращался он в монастырь, легкая задумчивость застывала на лице его, и был он тогда весь — неясное стремление в даль, словно он прислушивался к чему-то далекому... И звали его все монахи: „Иван — Полевой Цветок“...

Где была его колыбель, и кто напевал над ней в детские годы материнские ласковые песни, — никто не знал. Говорили, что он — сын Иосафа Коршуна... Но старик-игумен никогда сам не рассказывал об этом, а спросить его — боялись. Но то, что Иосаф любил Ивана, любил горячо и нежно, как не любил никого в своем монастыре, было всем ясно. Жил Иван вместе с игуменом — в его небольших настоятельских покоях. У него была своя маленькая келейка, украшенная сухими полевыми цветами. От этих цветов и от ладана, каждое утро курившегося перед образами, в комнате стоял приятный запах — запах степи и церкви. За окном всегда ворковали голуби, приученные Иваном, летали галки и воробьи. Иван всем давал зерен и звал ласковыми именами.

Этот белокурый юноша, которому шел двадцать третий год, оставался в монастыре — на время отсутствия Иосафа — игуменом. Никто не возразил на приказ старика игумена — быть старшим в монастыре Ивану, потому что все любили Ивана. Да в маленьком монастыре и не чувствовалась сильно власть игумена: каждый жил, как хотел, спасая свою душу после бурной жизни, полной страстей и крови...

Иосаф уехал на другой день.

Когда он выехал верхом на лошади — в сопровождении одного монаха — за ворота монастыря, колокольня зазвонила тихими, печальными перезвонами. Монастырь прощался со своим игуменом, ехавшим в далекий путь — на всякие случайности и, быть может, на смерть.

III.

Прошло шесть месяцев.

Монастырь тихо жил, окруженный лесами, горами и рекой. По утрам подымались вверх и рассыпались по воде священные звоны. Монахи сходились в церковь и, простояв службу, выходили оттуда, — сокрушенные и печальные. Дома ждала их маленькая работа — на пользу монастыря: поделки из дерева, выделка свечей, рисование икон. День шел за днем, как всегда...

А игумена все не было...

Уже прошла осень, прошумела вьюжная зима. На дворе таяли снега, синело небо, и под кустами наивно и мило прятались синие подснежники... Лед на реке прошел, и вода с каждым днем пышнела все более и более, разливаясь по лугам и лесам...

А игумена все не было.

Монахи обычно загадывали под вечер: придет-ли завтра игумен? И иногда выходило, что придет, но он все не ехал, и монастырь стоял без него грустный и сиротливый. В полдни уже не раздавалось неурочного перезваниванья — тихого и несложного, и монахи не выходили из своих келий — послушать и взгрустнуть...

Больше всех тосковал Иван. В своих игуменских покоях он обычно сидел у окна, выходившего на степную дорогу, и смотрел напряженно в даль. Но степь молчала, и синяя безбрежная даль скрывала за собою то, что в ту пору совершалось в далекой Московии.

Однажды, около полудня, караульный заметил в степи человека и ударил в колокол. Монастырь всполошился. Из своих игуменских покоев выбежал Иван и бросился за ворота — в степь. Сердце его чуяло, что то едет вестник от отца.

Весь в пыли, черный от южного солнца, посланец слез с коня и, низко поклонясь всей братии, передал Ивану послание. Тот, дрожа от волнения, развернул длинную хартию и медленно начал читать вслух:

— „Тихому Дону и людям его — мир и привет. Монастырю Преображения Господня — земной поклон. Всем православным христианам — братское целование. Пишет Божий раб Иосаф игумен.

— Сердце тоскует по вас. Почему нет вас около меня? Почему здесь нет Ивана? В муках и скорбях — сердце мое хотело бы видеть всех вас...

— Чувствуете-ли вы, что страдает ваш недостойный игумен, что муками крепкими терзается душа его? Чувствуете-ли? Тело иссечено и пробито, но это не больно. Душе больно, потому что нет кругом родного человека. Один, как перст... Господи, помоги мне!..

— Приехал в Москву и слово держал в Приказе. Говорил, что Дон исстари вольный, что всяк, кто скроется на него, — безопасен. И за это сильно был бит...

— Москва — вся белая и горит золотыми маковками. Утрами и вечерами, как начнет звонить, — думаешь, море гудит у Каспия. Воздух весь дрожит... А улицы узкие и дома тесные. Человеку негде разойтись. Много соборов, и в них мощи святых митрополитов. Великий подвиг приняли эти угодники, всю жизнь свою живя в тесноте и шуме и Богу угождая...

— По Дону стосковался я. Птицей вольной полетел бы к вам, послушал речного плеска, степного ветра, лесного шума... Да стены каменные вокруг меня и сторожей много... И писать не дают. Это писал украдкою.

— А думаю я: умру я здесь. Тело старое, износившееся, а побои великие. Кашель напал на меня, и болит грудь... Если умру, завещаю вам, как игумен: возьмите меня отсюда. На Тихий Дон увезите, под речкой похороните.

— Шлю вам последний привет. Иване, сыне мой, расти на славу Божью и человечью! Будь старшим — вместо меня. Служи усердно и кротко.

— Пишу, а солнышко заиграло в моем окошке. Редко у меня солнышко-то! И радостно стало. Вспомнилось, как на Дону у нас солнышко светит и степь курится, и речка играет.

— Простите, братья моя! Поминайте вашего игумена. И осведомляйтесь, когда я умру. Тогда увезите меня к себе... Иосаф, игумен.“

... Как грустно пели колокола, приглашая всех в маленькую церковь — помолиться за страждущего в далеком краю игумена! Степь и река дальним эхом откликались на этот звон, и были они — в том отклике — грустные и печальные...

Где сейчас игумен? Что с ним? Бьют-ли его за защиту донской вольницы? Или, как мученик, он уже успокоился вечным сном и, в смертных сновидениях, сладко грезит о далеком родном крае?

Кто-то будет теперь, полуденной порой, перезванивать на колокольне, несложно и тихо? И кто, в тихие ночи, будет петь над великой вольной рекой свои грустные, задумчивые песни?

Монастырь покрыла ночь. Но еще ранее ее его покрыла глубокая печаль, и был он весь притихший и задумавшийся, как никогда.

IV.

Прошло еще три месяца. Отцвела весна, и в июньские полдни, полные могучей зреющей силы, на полях и в монастырском саду наливались хлеба и плоды. Колокол звонил в урочный час на колокольне, и звук его не шел далеко в густом, мягком воздухе, пропитанном зноем и теплом.

Было тихо летнее утро. Река нежилась, как царевна, в своих пышных песчанных берегах — чистая

и спокойная. Леса молчали, покрытые утренней свежестью. И степи далекие, безбрежные степи расбрасывались во все стороны, блестя жемчужною росою и прикрываясь легкою беловатою дымкою.

В церкви шла утреня, когда к воротам монастыря тихо под'ехала небольшая повозка; сопровождавшие ее два человека прошли прямо в церковь и спросили, где находится игумен.

То приехал в свой родной край старый игумен Иосаф.

Приехал — мертвый, в дубовом наглухо забитом гробу.

На заре летают ласточки, и поют свои звонкие песни жаворонки. А в маленьком монастыре подымаются к небу и жалобно приникают к земле похоронные звоны, и вместе с звонами, по Великому Тихому Дону расходилась весть, что из далекой Московии приехал в свой монастырь игумен Иосаф.

... Люди, прибывшие с игуменом, сообщили что следом за ним идут на монастырь московские войска. То, чего нельзя было достигнуть убеждением, хотели достигнуть силою.

Тот день, в который хоронили старика Иосафа, был один из самых поэтичных дней в истории Донского края. С утра в церкви толпился народ, пришедший из всех уголков степной стороны. По приказанию Ивана, на колокольне непрерывно звонили — протяжно и грустно, как к стоянию. Гроб был укрыт большим плетением из степных трав и цветов.

К вечеру вынесли гроб из церкви и понесли в степь: пусть с высокой горы покойный пошлет последний привет родной реке, степи, лесу!.. Принесли в степь, поставили гроб на большой курган и отошли в сторону. Потом взяли гроб и снесли опять в ограду монастыря, в вишневый садик, около алтаря. Там пропели прощальные священные песни и тихо закопали в родную землю.

V.

Дня через три к монастырю подошли войска.

Вот что говорит об этом летопись:

„В церковь, где были все монахи, слушая литургию, вбежал сторожевой послушник и испуганно закричал, что к монастырю подходят московские войска. Среди молящихся произошел переполох. Никто не знал, что нужно делать. Но на амвон взошел игумен Иван, прозванный — Полевой Цветок, и сказал братии:

— Останемся здесь. Будем молиться!

И был его голос такой задушевный, что никто не мог противостоять ему, и все остались в церкви. Войска, тем временем, вошли в монастырь, и начальник отряда допрашивал у случайно попавшегося монастырского служки: где монахи? Тот ответил, что в церкви. И вот начальник издал приказ оцепить церковь...

Но в это время соседняя высокая гора, с давних лет нависшая над монастырем, тихо отделилась от остальной каменной гряды и, шурша, начала сползать вниз — на монастырь. Это заметили воины и быстро выбежали из монастыря. И потом они рассказывали, что видели, как гора медленно сползла на монастырь, постепенно хороня под собою сад, кельи и, наконец, церковь. Из церкви, сквозь открытые окна, слышалось пение. Шум от гибели церкви был громадный, и когда гора, сметя все на своем пути, опустилась в реку, вода высоко поднялась в своих берегах, пенясь и ударяясь о камни. И слышно было, как уже в воде некоторое время звонили колокола и потом смолкли... Люди, видевшие это, онемели от ужаса и убежали от страшного места...

* * *

Теперь на этом месте — река, горы, лес... Тихо — тихо... Только коршун пролетит над небом, и за рекой, над озером, закукует кукушка... Кажется: здесь живет далекая историческая греза — пугливая, робкая, прекрасная, звучащая неясно на тихих бандурных струнах... Говорят, вечерами иногда можно услышать дальние подводные звоны, а в степи, недалеко от речного обрыва, можно найти странные голубые цветы, не встречающиеся в этих местах... Говорят, ночью здесь слышится пение — тихое, покорное, печальное и, как аккомпанимент, над ним перезванивают колокола — задумчиво и грустно...

Говорят, весной полая вода выбрасывает на берег человеческие кости. И будто бы когда-то в этих местах рыбаки вытащили из воды небольшой медный колоком, весь позеленевший от воды, но звонкий, как песня...

В этом месте стоит крест — деревянный, простой, без надписи; он высоко поднимается над рекою, как бы посылая ей мирный, кроткий привет.

И те, кто спят на речном дне, ласкаются этим приветом креста, и сладко грезят, и синяя родная волна тихо и любовно баюкает их и напевает им колыбельную песню.

1913.

Всем казакам.

Итак, Казачество может спать спокойно — о судьбе его и... развлечениях заблаговременно позаботился ген. А. П. Богаевский на целый год вперед...

Кто не верит, пусть в „Возрождении“ от 12 октября прочтет „От Донского Атамана“:

„Донской казачий бал предполагается в декабре с. г. или в январе 1934 г.; общеказачий — весной будущего года. Ген.-лейт. А. Богаевский“.

— Там голод. Там — безмерные страдания Казачества под красным Московским игом. Там — ликвидация Казачества и колонизация Казачьих Земель русским мужиком...

— Здесь вождь „русских казаков“, претендующий на пожизненное атаманство и распластывающийся перед каждым русским генералом — лишь бы удержать казаков в лоне „единой-неделимой“ — больше всего занят вопросом о... своевременном устройстве балов...

— Ну, что ж, танцуйте, но помните, что придет время, когда вас спросят о том, что делали вы заграницей... И не только спросят...

— Вольные казаки, вы тоже помните, что чем больше Богаевские и иже с ними забавляются, тем больше работы лежит на ваших плечах... И от этой работы вы не имеете права уклониться.

Думы и мысли.

Захарий Кондрашов. *(Франция).*

Вольным казакам.

Мы вольные казаки,
Нас никто не любит,
Все хотят нас оттолкнуть,
А не приголубить...
И Богаевский признал,
Что мы одиноки...
И что все хотят из нас
Вытянуть все соки.
Все стараются чрез силу
И хотят все сделать так,
Чтобы не было в помине
Даже слово-то казак.
Но напрасны их старанья,
И усилья, и труды!..
Не впервой нам испытанья!
Рано класть нас всех в гробы!
Порох есть в пороховницах,
Не изсякла сила,
И сиденье заграницей
Волю не убило...
Наши земли возродятся
Мирно или с бою...
Наша цель ведь — Казакия,
А девиз наш — Воля!..
Придет время — мы продолжим
Славу, дедов и отцов,
И по свету разнесется
Весть про вольных казаков...

7-VII-1933.

„Казаки" в кавычках.

Помнится мне выдержка из письма матери-казачки с Кубани к сыну в эмиграцию:

> ... разорили нас в конец. Мы уже забыли, как выглядит наша черкеска... у нас все попеременяли, и не узнаешь ничего...

Советская власть верна себе: раз у нее созрела необходимость упразднить, задушить Казачество, значит, надо вырвать с корнем малейший намек на старое, нужно похоронить память о прошлом, пусть молодое поколение любуется своим прошлым по случайныт картинкам, завалявшимся в архивах и музеях.

А вот в эмиграции, так наоборот. Не только в крупных центрах, но даже в маленьких деревушках этой самой Европы черкеска стала заурядным явлением. Местное население знает, что эту красивую одежду носят казаки. Это такой народ, который красиво поет, еще лучше танцует, пьет водку чуть ли не ведрами и здорово дерется. Этими данными, обычно, кончаются все понятия иностранцев о казаках.

С легкой руки Сергея Жарова, организовавшего Донской Казачий хор, — с обязательной черкеской. Правда, у Жарова не черкеска, а лампасы, но как-то в черкеске сподручнее, и она больше бросается в глаза.

Но в то время, когда у Жарова все таки есть некоторое количество казаков, а его хор, хоть и редко, поет и казачьи песни, большинство других хоров и капелл вообще не разбираются, кого принимают в свой состав. Дошло до того, что три еврея и один татарин, сварганив на скорую руку нечто в роде черкески, отправлялись в путешествие по земному шару, популяризируя „Очи черные" и „Ямщик, не гони лошадей".

Что общего между черкеской, ее владельцем и его репертуаром? Черкеска нравится, в ней как-то легче петь в кабаке какому-нибудь пьяному забулдыге хотя бы и цыганские романсы. Каковы песни, таковы и танцы. Короче говоря,

— Грек из Одессы, еврей из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал,

очутившись в эмиграции, влезли в черкеску и поют с умилением:

— Не говори, что молодость сгубила!

Но пока вопрос касается добывания куска хлеба, как бы ни было зазорно такое явление, во имя принципа „кушать все хочут", и можно, скрепив сердце, смотреть на эти гримасы жизни. Но если появляются Сморгонские казаки и, перешагнув границу „искусства", влезают в казачью политику, то уже необходимо осадить их назад.

В последнее время, в связи с пробуждением национализма, на политическом горизонте появилось много таких „патриотов" в комических черкесках, решившихся „поиграться в политику".

Совершенно чуждые казачьего быта и особенностей, они, тем не менее, втирают очки наивным людям, распинаясь от имени Казачества, и в некоторых случаях даже кому-то что-то „гарантируют". А были и такие случаи, когда эти никому не ведомые „казачьи патриоты" брали „подряд" организовать казаков для каких то надобностей.

В большинстве случаев, боясь „наскочить на неприятность", они выдают себя за сибирских казаков. Проверить их трудно, сибиряков здесь мало, но именно сибиряки-то и не ходили никогда в черкесках...

И если Жарову и иным не казакам, взявшим на себя труд организовать с той или иной целью хор, не вмешивающимся дальше в чужие для них дела, мы можем простить их „заимствованье", то всех прочих „казаков" (казаков в кавычках) мы обязаны выводить на чистую воду при всяком удобном случае. С ними мы должны считаться, как с провокаторами, присваивающими ненадлежащее им имя, вносящими смуту в казачьи ряды и старающимися на казачьем деле только подработать. Они позорят своим невежеством казачье имя, подрывают нашу стройную казачью работу и вредят нам в глазах иностранцев.

Станичники! Следите хорошо за такими „казаками"...

Г. А. Козловский.

Берлин, октябрь 1933.

Не рой яму другому, ибо сам в нее попадешь.

4-го сентября сего года зашли ко мне два жандарма и спрашивают: „Где здесь живет г. Болдырев?" Я, конечно, отвечаю — здесь, что вам угодно?

Тогда один жандарм спрашивает: „Откуда вы приехали?" Говорю: „из департамента Од". Спрашивают карт д'идентите. Я подаю. Он смотрит и спрашивает: „Вы русский, донской казак?" Я отвечаю, что я казак, но не русский. Наша родина, Казакия, закабалена Россией, но мы будем бороться за свое освобождение и русскими никогда себя не признаем. Вот, говорю, господа жандармы, наш журнал: „Вольное Казачество", который проповедует национальную идею, и подаю номер 136; обращаю внимание их на карту голодных районов СССР, где Казачьи Земли покрыты сплошным жутким черным трауром и добавляю, что эта карта не нами выдумана, а перепечатана из „Матэн".

Французы с любопытством рассматривают наш журнал. Я продолжаю давать об'яснение, что наш край был богатый и обильный, и что в нем никогда от сотворения мира не было голода, а теперь русская оккупационная власть довела его до такого состояния, что люди умирают с голоду и друг друга едят. Поэтому — говорю — поймите, что я не могу любить Россию и русских.

Для более полного ознакомления их с нашим движением я даю им еще несколько номеров „В. К." Жандармы поняли, что имеют дело с порядочным человеком, патриотом своего народа, и настроение их изменилось к лучшему.

Потом один из них обращается ко мне и спрашивает, знаю ли я г. Гурсаленко? Я отвечаю, что такая фамилия мне не знакома, но вижу, что фамилия русская. Тут опять жандарм удивляется и говорит:

— Как, вы даже по фамилии отличны от русских?

— Да — говорю я и даю раз'яснения о характерных признаках и привожу примеры. А потом я уже начинаю спрашивать, зачем они ко мне пришли, и при чем тут Гурсаленко.

Жандармы отвечают, что они начинают думать, что г. Гурсаленко „напрасно наклеветал на вас, что вы коммунист и что сидели в тюрьме и пр., но что мы из ваших документов видим, что все его сообщение — ложь..."

Тогда я предлагаю жандармам пойти со мною на квартиру, чтобы я при них мог с ним об'ясниться по поводу его доноса на меня. Жандармы соглашаются.

Придя к его квартире, я попросил полицейских подождать у дверей, а сам вошел к нему и, поздоровавшись, спросил, на каком основании он делал на меня в полицию ложный донос?

Гурсаленко сперва побледнел, потом покраснел, замялся и ничего не мог ответить в первые минуты. Когда же вдруг вошли жандармы, то он совсем обалдел и начал кричать: „Зачем этот человек пришел, я его не знаю, не знаком"! и пр. Жандармы, не говоря много слов, приказывают ему подавать свои чемоданы и начинают пересматривать. При проверке в чемодане у него оказалось несколько паспортов, выданных на различные фамилии и, между прочим, комбатантская карточка, выданная на имя Гурсаленко Донским Атаманом Богаевским.

После обыска и просмотра документов, жандармы надевают на его руки наручники и ведут в участок, а мне на прощанье жмут руки и желают всего хорошего, как честному патриоту.

Так оправдалась старая пословица: „Не рой другому яму, сам в нее упадешь".

Иван Андреевич Болдырев.

Франция.

На собрании „Великая Русь" в Париже.

Давно уже стерлась в памяти парижан газета „Набат" так же, как и сама организация „Великая Русь". Забыт был и ее основатель и будущий „диктатор" В. И. Яковлев. Несколько лет тому назад в предместьи Парижа—Бианкуре, когда там было много иностранцев всех национальностей, там иногда можно было видеть газету „Набат" и услышать о редких публичных выступлениях организации „Великая Русь".

Однажды стою я на небольшой площади „Насиональ" и вижу, как какая-то рыжая фигура идет через площадь; от тяжести на плечах он согнулся. Это был секретарь „ВР", по фамили Царь, а по профессии сапожник. Он был одет в фартук полутелячьей кожи, а на плечах держал три палки длиной метра в три, на которых укреплены два русских трехцветных флага и один французский.

Безработица ударила и по „казачьему Бианкуру". Многие уехали в провинцию в поисках работы, другие разошлись по парижским аррондисманам в надежде устроиться на „шомаж". Перешли в Париж и казаки, записавшиеся в „младороссы", в чаянии получить от младороссов обещанной там работы. Но никакой работы, конечно, никто не получил, а получили только „Казачий очаг" под управлением старшего „младоросса", сотника или войскового старшины Ш.

3 сентября с. г. в 8 час. вечера снова появилась согнутая фигура „Царя-сапожника", но уже на Парижском бульваре де Гренелль, в арабском квартале, с теми же тяжелыми флагами на плечах и листовкой-призывом в руках. На листовке этой вполне резонно взяты эпитетом нижеследующие пушкинские слова, поразительно точно характеризующие политическое и моральное состояние этих „деятелей":

Хоть убей следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам...

Покружился наш Царь со знаменами своими на плечах и юркнул в кафе; развернул там свой сверток и тут, как будто поняв, что „Великой Руси" самой не развернуться, попросил казака офицерского резерва Богаевского полка Ф. помочь ему. Тот, со словами „чего извольтесь", услужливо пошел к нему. Общими силами развернули флаги и установили.

Зала кафе делится на две половинки, посредине перегородка. Одну из них заняли сотрудники „Набата" в числе нескольких человек, во главе с Ш. и П.

Председательское место занял молодой, лет 27, князь Т., предоставивший слово г. П. Последний начал сразу кричать о „тяжелых условиях и смертельных ударах"... что многие кончают самоубийством. Призывал, чтобы новые люди, решившие покончить с собой, „убили бы кого нибудь другого, безразлично кого". По словам оратора, освобождение „Великой Руси" не представляет особой трудности, ибо силы равны: в СССР 2 мил. коммунистов, а в эмиграции — 2 мил. эмигрантов. Относительно многомиллионного населения СССР г. П. сказал, что это „просто русское быдло, которое ничего из себя не представляет".

После него выступил Царь, который начинает свое слово с вопроса: „Почему вы считаете меня большевиком? Потому, что я приехал из Одессы в 1925 году?.. А затем рассказывает о том, как он там страдал, как евреи издеваются над русским народом...

Выступивший затем „сам" организатор „партии" г. Я. говорит о том, как он организовывал свою партию $3^1/_2$ года, как он собрал за это время 27 человек, и как потом, при проверке, оказалось, что 18 человек из них „большевики и провокаторы". Затем, перейдя на исторические темы, говорит, что „русский народ управлялся дураками, начиная со дней Петра I и кончая Николаем II. Были и такие, что несли свободу Руси, как Разин Стенька, но народ его не понял"... „Движение Пугачева было только грабежь и самонажива", что в общем „Московская кучка бояр правила Великой Русью и никогда не имела своего плана". Дальше г. Я, выпаливает бесцеремонное ругательство по адресу всех эмигрантских организаций, в особенности в адрес Союза младороссов ни слова не сказал в защиту, а г. Я. прямо сказал, что „преступное дело творят младороссы перед Великой Русью". А когда он закончил свое слово, то аплодировали ему и младороссы.

Часто я бываю на собраниях руссиих различных политических направлений и никак не могу понять — что они за люди и чего они хотят? Почти всюду так, как на этот раз. Собралась „гоп-шлеп-компания", об'явила себя собранием, и пошла писать губерния!

П. называет русский народ „быдлом" — ему аплодируют. Когда сапожник рассказывает о том, что два года помогал коммунисту — ему тоже аплодируют, и и даже когда сам „глава" называет почти всех царей дураками, ему и младороссы апплодируют, не взирая на то, что их, младороссов, в глаза назвал преступниками.

Чудны дела Твои, Господи!

В заключение скажу, что как бы не было трудно казакам разбираться во всевозможных русских политических партиях, но казак обязан знать — где его законный и единственно правильный путь и свое место. Это только в Вольном Казачестве, в вольноказачьих рядах. Каждый казак, в котором еще „не застыла кровь казачья", кто не забыл, „как бить врагов", обязан принести все свои знания и силы на алтарь своей страны и будущей независимой Казакии.

Казак **И. Филиппов**

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! •

На развалинах казачьей „единонедилимческой“ идеологии.

Известно, что в августе 1924 года ген. Богаевский обратился с широковещательным призывом к казакам, приглашая помнить о том, что „Казачество в опасности“, сообразно чему и предлагал казакам создать единую казачью партию, об'единившись вокруг Войсковых Атаманов. Призыв был услышан, и некоторые казачьи станицы и хутора (группы), образовавшиеся во Франции, послали своих представителей в Париж на учредительный с'езд и образовали „Казачий Союз“. Устав последнего был учрежден, было избрано Врем. Правление сроком на шесть месяцев, была выработана и программа „Казачьего Союза“, краеугольным камнем каковой явился пункт 1-ый: „Казачьи края — неразрывная составная часть Российского государства“.

Время шло, разворачивалась работа „Казачьего Союза“, в состав последнего вступали все новые и новые казачьи организации, истекало 8 лет существования Союза... и вдруг последний развалился, перестал существовать. Вполне естественно, что казачье общественное мнение весьма поражено всем происшедшим, ибо до последнего момента является неизвестным, какие причины и обстоятельства привели „Казачий Союз“ к закрытию!

Воздержимся говорить о том, что уже стало достоянием гласности, но скажем открыто о тех „деяниях“, кои были скрываемы от казачьих взоров и казачьей пытливой мысли. В самом деле, существовал „Казачий Союз“ (при составе в 150 с лишним казачьих организаций, согласно неоднократных утверждений г-на Мельникова, „бессменного“ председателя „Казачьего Союза“) без малого 8 лет и вдруг сгинул. Стоит призадуматься и осветите этот момент, к а к и п о ч е м у „Казачий Союз“ вдруг развалился, разошелся по швам...

Начнем свое суждение с определения, действительно-ли в „Казачьем Союзе“ состояло 150 с лишком казачьих организаций! Нет, такого количества никогда не существовало, в действительности же имела место подтасовка неверных сведений со стороны г-на Мельникова.

Проверяя список казачьих организаций (по Франции), входивших в состав „Казачьего Союза“, видим следующее: № 1 — станица Калединская (исключена из списков „Казачьего Союза“ в марте 1927 г.), № 2 — Общество взаимопомощи казаков-студентов (не существует), № 3 — Общеказачья станица в Крезо (прекратила свое существование в октябре 1929 г.), № 5 — Казачий хутор в Шалоне (не существует), № 6 — Казачий хутор „Донец“ и № 7 — группа Донских, Кубанских и Терских казаков в Монтаржи (пректатили существование и слились в Общеказачью станицу в Монтаржи, каковая и обозначена под № 114 в списке казачьих организаций, вошедших в „Казачий Союз“), № 9 — Общеказачья группа в Виши (исключена из списков „Казачьего Союза“ в апреле 1926 г.), № 10 — Казачья группа в Южине (перестала существовать, развернувшись в станицу), № 11 — Дзюнгарская станица в Нанте (прекратила существование), № 13 — Казачья группа в Бельфоре (прекратила существонание, переименовавшись в станицу, звчисленную в состав „Казачьего Союза“ под № 118, в свою очередь прекратившую существование, согласно постановлению станичного сбора в марте 1931 г.), № 15 — Казачья группа в Сансе (прекратила существование, переименовавшись в станицу, зачисленную в состав „Казачьего Союза“ под № 120), № 18 — группа Донцов, Кубанцев и Терцев и № 97 — Донская группа полк. Воинова (прекратили существование, выделив из своей среды Общеказачью станицу в Коломбеле), № 19 — Казачья группа быв. в Марселе (прекратила существование), № 20 — Казачья группа в Жвен (прекратила существование), № 21 — Общеказачья группа в Омекур (прекратила существование), № 23 — Кубанско-Финлядская станица в Виши (исключена из списков „Казачьего Союза“ в апреле 1927), № 32 — Общеказачья группа в Тамарис (дважды проведена по спискам „Казачьего Союза“, именно еще раз под № 110), № 33 — Казачья группа в Левалуа (исключена из списков „Казачьего Союза“ в апреле 1926 г.), № 78 — Донская группа в Гриньок (не существует), № 89 — Донская группа в Гранвилле (переименовалась в станицу, занесенную в списки „Казачьего Союза“ под № 98 и исключенную из последнего в сентябре 1927 г.), № 99 — Атаманская станица в Крезо (прекратила свое существование 27 октября 1929 г.), № 100 — Богаевский хутор в Мулине (исключен из списков „Казачьего Союза“ в январе 1928 г.), Терская станица имени М. А. Караулова (не существует), № 112 — Казачья группа в Кабасолье (не существует), № 113 — Казачий хутов в Виллерю (не существует), № 115 — Обшеказачья группа в Сегале (не существует), № 117 — Общеказачья группа в Риуперу (не существует), № 121 — Группа фермеров-испольщиков под'есаула Губина (не существует), № 125 — Союз взаимопомощи калмыцкой молодежи в Дессине (не существует), № 130 — группа казакрв и уроженцев Дона и Терека в Парай-ле-Мониоль (не существует), № 134 — Союз калмыков в Дессине (не существует) и т. д.

Открыв глаза казачьему общественному мнению на действительное состояние казачьих организаций (по Франции), числившихся по спискам „Казачьего Союза“, заметим, что г-н Мельников не имел ни юридического, ни морального права выступать от имени 150 с лишком казачьих организаций, якобы входивших в „Казачий Союз“.

Профессор Марков, б. генеральный секретарь „Казачьего Союза“, пишет, „... что Казачий Союз фактически давно рассыпался и держался лишь формально. Поддерживалась лишь иллюзия, что он силен. Все это было ложью“!

Сообразуясь с приведенным, мы, вольные казаки гор. Лиона, уличаем г-на Мельникова в лживом искажении действительного положения вещей; г-н Мельников создавал бессовестным образом ложное представление о том, что „Казачий Союз“ стройная, сильная казачья (единонеделимческая) организация, чего фактически никогда не было...

Означенный „Казачий Союз“ получил юридическое признание с момента утверждения устава, вслед за чем определилась „физиономия“ общественно-политического деятеля г-на Мельникова, который проявил максимум усилий с своей стороны, дабы не проводить работу „Казачьего Союза“ согласно параграфам указанного устава. Так г. Мельников, избранный председателем временного правления „Казачьего Союза“ всего лишь сроком на шесть месяцев, умудрился пробыть на своем месте ни более, ни менее, как 8 лет, никогда не подвергаясь избранию со стороны Общего Собрания членов „Казачьего Союза “(см. § 9 устава „Казачьего Союза“). Состав членов временного правления „Казачьего Союза“, избранный также сроком на шесть месяцев, также никогда не подвергался переизбранию, причем, вопреки параграфам устава, замещение членов временного правления происходило в порядке „пополнения или кооптирования“ (полк. В. В. Короченцев, есаул И. И. Дьяков, сотник Ф. А. Ченцов, инженер Н. Ф. Пузанов, профессор А. П. Марков, П. А. Скачков, полк. М. А. Ковалев). Многие из членов временного правления совершенно покинули Францию или проживали в других странах (войск. ст. Е. Д. Коновалов, сотник Ф. А. Ченцов, К. П. Михайленков, П. А. Скачков, полк. М. А. Ковалев), умерли (пол. В. В. Короченцев), вышли из состава Временного правления (полк. В. С. Крюков и др.), сообразно чему непосредственное руководство „Казачьим Союзом“ находилось всецело в руках г-на Мельникова.

В какие же формы вылилась работа г-на Мельникова, „бессменного“ председателя „Казачьего Союза“?.. „Полная безотчетность в расходовании средств по Казачьему Союзу, полное пренебрежение к казачьей общественности „(утверждение проф. Маркова) и, смеем добавить, выявление в полной мере и степени общепризнанных коммерчечких способностей г-на Мельникова, именно: открытие бакалейных магазинов, кантин,

столовых, пересылка денежных сумм и продовольственных посылок в сов. Россию и многое другое... и все под маркой „Казачий Союз"! В конечном итоге г-н Мельников сумел провести в жизнь учреждение и открытие банка (т. н. Казачьего банка), где и занял должность председателя правления банка. Проф. Марков пишет: „Личное мое отношение к Мельникову отрицательное. Я, изучив его, пришел к выводу, что его нельзя подпускать ни к какому общественному делу. Впрочем, он теперь стал банкиром... Как будто бы не дело для председателя Войскового правительства учреждать банки. Но его положение этому не только не помешало, но... даже помогло. В этом когда-нибудь разберутся".

Ныне „Казачий Союз" не существует, и г-н Мельков ушел с должности председателя последнего, но что же с ликвидацией дел Союза, применительно к которой в § 13 устава „Казачьего Союза" писано „... вопрос о передаче капиталов и имущества Союза решается по представлению Ревизионной комиссии Общим Собранием членов Союза"! „Казачий Союз" закрыт, закрылся, развалился... но была ли ревизия дел, отчетности прихода и расходования денежных сумм!!! Быть может подобные вещи находятся вне компетенции казаков? Остается удивлться структуре подобной организации, где казалось бы все и вся должно зависеть, согласно уставу, от волеизлияния членов Союза, т. к. § 4 гласит, что „Делами Союза ведает Общее Собрание и Правление Союза, как исполнительный орган"...

Возьмем за образец один отчет по „Казачьему Союзу" за 1927 г. за подписью г-на Мельникова, но отнюдь не ревизионной комиссии. В означенном отчете ясно и определенно указано в графе прихода, что „от Донского Правительства на издание „Вестника" (Казачьего Союза), на устройство казаков на фермах и на содержание секретаря „получено 36.000 франков. В графе расхода значится „печатание „Вестника" — 6.000 франков, экспедиция журнала — 1.280 франков, жалование секретарю — 7. 200 франков, устройство казаков на фермы — 15.000 франков, — итого 29.480 франков. Произведя простое вычитание, находим, что разница выражается цифрой в 6.520 франков, кои не имеют оправдательных документов по расходу, т. к. Донское Правительство отпустило 36.000 франков именно на издание „Вестника", устройство казаков на фермах и на содержание секретаря!

Далее, с развитием „Казачьего Союза" несомненно увеличилось расходование денежных сумм, но вместе с тем и повышалась его доходность, что вполне явствует из того, что „Казачий Союз" имел кантины-столовыя в Ромба, в Коломбеле, бакалейный магазин и столовую в Лионе... а равно и то, что издание журнала „Родимый Край" (орган „Казачьего Союза") производилось на средства, отпускаемые г-ном Милюковым, о каковом факте публично высказался проф. Марков, б. генеральный секретарь „Казачьего Союза", на одном из казачьих собраний в Париже, заявив прямо в лицо г-у Мельникову перед многочисленной казачьей аудиторией.

Несмотря ни на что, никаких денежных отчетов по ведению дел „Казачьего Союза" почти не имеется, а если таковые и были опубликованы, то отнюдь не за подписью членов ревизионной комиссии. Все приводимые данные отнюдь не служат на пользу „добропорядочной репутации" г-на Мельникова.

Выше мы указали, что будем писать лишь о том, что до сих пор не было известно широким кругам казачьей общественстн. Опять сошлемся на утверждения проф. Маркова, б. генерального секретаря „Казачьего Союза", который пишет: „я утверждаю, что Мельников хотел продать и вел об этом переговоры с иностранцами, документы, которые у него сохранились, как у должностного лица. В свое время я имел с ним по этому поводу об'яснение, доказывая ему, что эти документы нельзя считать его собственностью. С этим он не соглашался. Этот факт общеизвестный". Естественно, что подобное обвиненне не делает чести г-ну Мельникову, который являлся одновременно и председателем Донского Правительства, и председателем „Казачьего Союза". Судя по утверждению проф. Маркова, документы, предназначенные г-ном Мельниковым к продаже в руки иностранцев, могут почитаться отнюдь не за частную собственность! Во всяком случае, мы еще вернемся к разбирательству сего „деяния" г-на Мельникова в нашем следущем публичном выступлении...

Мы, вольные казаки гор. Лиона, не привыкли своих слов расточать впустую, а потому и всяческим образом воздерживаемся от всякого забрасывания грязью, что неоднократно и без всяких оснований проделывал г-н Мельников в адрес Вольного Казачества. Но, в данном случае, именно с развалом „Казачьего Союза", мы попросту запрашиваем казачье общественное мнение, неужели такой удел Казачества, чтобы такие господа, как Мельников, ставший „притчей во языцех" и так много сделавший зла для Казачества, могли остаться безнаказанными, почивая на лаврах председателя правления т. н. „Казачьего Банка"! Как-бы ни было, но трагический финал существования „Казачьего Союза" должен быть выяснен, ибо каждый закон знает свою меру!

Каково же политическое credo г-на Мельникова, одного из творцов казачьей единонеделимческой идеологии! В стремлении быть последовательными в изложении, обращаем внимание казачьей общественности на два момента, именно: на статью г-на Мельникова „О сепаратизме" (см. журнал „Казачьи Думы" № 12, 1923) и выступление г-на Мельникова от имени Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека в Монтаржи на Троицу 1926 г.

В статье „О сепаратизме" г-н Мельников пишет: „Если-же процесс восстановления России пойдет так, как мы (т. е. казаки) думаем, и как это можно скорее всего предполагать, учитывая российские условия, — если сначала начнут оживать богатые и крепкие окраины и другие сильные уголки России, а затем к ним постепенно будут примыкать, одна за одной, части необ'ятной России, на широком пространстве которой, может быть, еще долго будет бушевать анархия и китайщина, — в этом случае нам необходимо будет на некоторый срок сохранить временную самостоятельность и окрепнуть. Допустить, чтобы в этот переходный период, наиболее ответственный, у нас хозяйничали и устанавливали свои порядки не казаки, мы не можем.

Даже в том случае, если-бы они были честные люди и патриоты, — все равно у себя на Дону порядок должны установить сами казаки и никто больше. Рисковать судьбою своих краев и всей России, ставить ее на карту только для того, чтобы нас не назвали самостийниками, мы не имеем права, и мы этого не сделаем. На опыте прошлого мы видели, какие жестокие ошибки делали те, кто подходил к казаку, не понимая его. Допустить это же и в дальнейшем мы не можем. С нас всяких опытов достаточно — и черных, и белых, и красных, — коммунистический пусть будет последним".

Выступление гна Мельникова на Троицу в 1926 г. в Монтаржи, да еще от имени Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека, окончательно вносит расстройство в основания казачьей „единонеделимческой" идеологии, проповедуемой за-границей. В самом деле, г-н Мельников в данном случае превзошел самого себя, если принимать во внимание его последующую работу. Кто из казаков интересуется указываемым выступлением г-на Мельникова, тот пусть развернет № 11 „Вестника Казачьего Союза" и на страницах 18, 19, 20, 21 прочтет статью г-на Мельникова: „Один из вопросов казачьей политики". Для тех же казаков, которые не имели-бы возможности лично ознакомиться с указываемой статьей, мы приводим следующие вопросы:

„С кем может и должно сговориться Казачество? Прежде всего, конечно, с Россией, с тем великим целым, нераздельную часть которого составляют наши родные казачьи края. Но этой России еще нет. Есть СССР — с ним договариваться не приходится. В интересах нашей Родины России и казачьих краев надо помочь Русскому народу скорее сбить замок и сбросить ярмо — и никто в России и в эмиграции не имеет права упрекнуть казачество, что оно сделало мало усилий в этом направлении, ибо ни одна из частей России не принесла на алтарь отечества столько жертв, сколько отдано казачеством: один Дон потерял выбывшими из строя

около 50 процентов своего казачьего населения. Мы знаем также, какой процент казаков был в составе Добровольческой и Русской армии. И тем, кто смеет упрекать казаков, мы, полные негодования и защищая память погибших, имеем право крикнуть: шапки долой перед бесчисленными могилами героев, имена же их Ты, Господи, веси... Казачество сделало, что могло — пусть тот, кто может, сделает лучше и больше... Этого мы пока еще не видали. С кем-же еще договариваться казачеству, пока еще не выступил на сцену русский народ? С остальной русской эмиграцией? Это было бы желательно. Не для того, чтобы эмиграцией подменить русский народ и без него решать его именем, а лишь для того, чтобы совместными усилиями помочь освобождению нашей родины России. Но для того, чтобы об'единенное казачество могло заключать ответственные договоры, необходимо, чтобы была налицо эта эмиграция, как целое, как общее ее об'единение."

„Но есть-ли за рубежом об'единение групп и людей, признающих, что хозяин России — Русский народ? К сожалению, об'единенное казачество не видит такого об'единения, не видит того, с кем ему надо договориться и об'единиться для совместной работы. Российская эмиграция все еще представляет собою радугу со всеми цветами, свойственными ей. Есть бесконечное число партий, об'единений, комитетов, союзов; есть меньшевики, социалисты-революционеры (нескольких оттенков), народные социалисты, группа „Крестьянской России", республиканцы-демократы, центральные кадеты, Национальный Комитет, Рос. Центральное Об'единение, Рус. Патриотическое Об'единение, николаевцы, кирилловцы и пр. и пр. Некоторые без всякого веса. Большинство представляет лишь самих себя, никого за спиной не имея, и жаждет иметь „народ", почему многие и гоняются за казачеством. С кем прикажете договариваться? Кого предпочесть и почему того, а не другого? У кого из них глубокие корни в России? С кем-бы вы ни договаривались, — все остальные будут против вас и именно потому, что договорились. Соглашение не со всей эмиграцией, а с каким-либо одним течением в ее среде, расстроит ряды самого казачества, ибо удовлетворит в казачестве лишь тех, кто сочувствует именно этому течению, а отбросит всех остальных".

„Отдельные казаки могут договариваться, с кем им угодно, и мы знаем, что В. Ф. Фальчиков и его друзья входят в соглашение с эс-эрами, В. П. Клонов — пошел в Крестьянскую Россию, В. А. Харламов — к республиканцам-демократам, К. И. Сычев — к монархистам типа г. Шебеко, гр. М. Н. Граббе — в Центральное Об'единение, П. Н. Краснов и полк. Фролов — в Патриотическое об'единение Маркова и Крупенского, ген. З. А. Алферов — с Вел. кн. Кириллом; одни становятся республиканцами, другие николаевцами, третьи кирилловцами... Это — их личное дело, казачества не касающееся и казачество ничем не связывающее. Совсем было-бы иное, если-бы на этот путь стали Войсковые Атаманы и Об. С. Д. К. Т., ибо их выступление наклеило-бы ярлык на казачество, как таковое. На это В. Атаманы пойти не могут. Руки казачества не должны быть связаны".

Увы, приведенные слова г-на Мельникова остались всего лишь словами, ибо действительность показала совершенно обратное, т. к. тот-же г-н Мельников соизволил привести „Казачий Союз" под „нози" генерала Миллера. Дабы увлечь за собой казаков, г-н Мельников не брезговал никакими средствами, причем не прочь был поиграть и в „самостийность" (конечно, весьма относительного свойства). Как-бы ни было, но г-н Мельников, несмотря на свою „политическую перезрелость", оказался весьма плохим политиком, ибо окончательно извратил весь смысл казачьей „единонеделимческой идеологии". В самом деле, взывать к Казачеству, уговаривая последнее об'единяться вокруг выборных Войсковых Атаманов, с конечной целью спасения России... и это все!

Время эмиграции не проходит даром для Казачества. Терпя все невзгоды эмиграционной жизни, казаки начинают понимать, наконец, что исходным началом всякого зла для Казачества, было непонимание тех людей, кои в ответственнейшее время оказались в качестве возглавителей Казачества, одним из первых и являлся г-н Мельников.

Идут дни... и Казачество начинает разбираться в том, кто друг Казачества, кто недруг.

Г-н Мельников, втирая „очки" казачьему общественному мнению, что сделал он для блага Казачества, — пусть дадут ответ его бывшие сторонники, бывшие последователи, которые в данный момент ретиво ополчились против него, подвергая острахизму „бессменного" председателя ныне развалившегося „Казачьего Союза"! Мы, вольные казаки гор. Лиона, относясь всегда с полным презрением, как лично к г-ну Мельникову, так и к его пресловутой „полезной" деятельности для блага Казачества, полагаем, что ныне настал момент, когда все „деяния" г-на Мельникова должны получить точное и определенное освещение...

Существует-ли Всевеликое Войско Донское? — Нет... Где Большой Войсковой Круг? — В рассеянии... Где Донское Правительство? — Не существует... Где казна Всевеликого Войска Донского? — Вывезена за границу и пущена по ветру... Настало время, когда все казаки обязаны точно знать о том, какое количество миллионов франков составляло казну Всевеликого Войска Донского, и куда эти миллионы израсходованы, и, самое важное, какими лицами израсходованы...

И если г-н Мельников, „бессменный" председатель „Казачьего Союза", избегал огласки в отношении опубликования отчетов о финансовых делах „Казачьего Союза", то не сделал подобного шага г-н Мельников, председатель Донского Правительства (без состава министров!) и в отношении опубликования данных о том, как была израсходована многомиллионная казна Всевеликого Войска Донского здесь, за-границей!

Жестоко ошибались „возглавители" Казачества, полагая, что единоличная власть и распоряжение войсковыми капиталами пройдут незаметным образом перед взорами Казачества. Повторяем, жестоко ошиблись в указываемом отношении, ибо казаки молчали лишь до поры, до времени; теперь пришла очередь говорить самим казакам, от имени коих неизменно ранее выступали (не имея на то законных полномочий) такие лица, как г-н Мельников...

Подлинное подписали:

Союз Вольных казаков (сепаратистов) в гор. Лионе:
Председатель: *С. С. Настоящев.*
Тов. председателя: *Д. Д. Пятилетов.*
Секретарь: *И. В. Мельников.*
Казначей: *Н. И. Калинкин.*

Федерация казаков-комбаттантов в гор. Лионе:
Председатель: *А. И. Кувиков.*
Тов. председателя: *Б. Маргаритов.*
Секретарь: *И. П. Ретивов.*
Казначей: *В. С. Криштопа.*

Вольно-Казачья касса взаимопомощи в гор. Лионе:
Председатель: *Н. Н. Юров.*
Секретарь: *Д. А. Пимкин.*
Казначей: *Е. Л. Шанишев.*

15 октября, 1933.

Вольным казакам во Франции.

По всем вопросам организационного характера вольным казакам во Франции надлежит обращаться к члену Малого Круга ВК Александру Константиновичу Ленивову по адресу: M-eur Lenivoff, 20, Chemin St. Alban à Parilly, Lyon (Rhône).

Казачья эмиграция.

На Большой Круг ВК.

Поступило: от А. С. Тырина (из Швеции) 5 шв. крон; от NN — 100 kč.

В Берлине.

8 октября, проездом из Брюсселя в Прагу, Берлин посетил атаман хутора вольных казаков в Бельгии И. П. Егоров.

Его приезд совпал как раз со временем оживления среди местных казаков; снова начались разговоры о необходимости самоорганизации, опять возникли споры и разногласия: с кем и каким трактом по пути казакам? Вполне естественно, что появление на нашем горизонте нового человека, уже имеющего стаж в деле организации казачьей эмиграции, внесло еще большее оживление и, можно смело сказать, решило вопрос об учреждении в Берлине Вольноказачьей организации.

10 октября на квартире Берлинского представительства нашего журнала состоялась первая встреча И. П. Егорова с местными казаками. Вышло так, что, по случайному совпадению обстоятельств, гость имел возможность сразу познакомиться с разными казачьими „толками". В кратких словах, г. Егоров сделал сообщение о жизни и организации казаков в Бельгии. Сообщение было прослушано с большим вниманием; собравшиеся казаки засыпали гостя вопросами, на которые каждый получил исчерпывающие об'яснения. Затем начались разговоры на больные казачьи темы.

„Принципиальный наш спорщик", сбивчиво и неясно формулировавший свои мысли и стремления, сотник В. В. Иванов, пытался доказать „всю бесцельность" для казаков об'единяться около какой-нибудь партии. По его мнению, казак должен быть только казаком, совершенно беспартийным, и потому входить в организацию Вольного Казачества не следует. Необходимо создать совершенно беспартийную организацию, куда вошли бы вообще все казаки.

Прблизительно на ту же тему, но более сдержанно и не ставя точек над і, высказывался и другой донец, В. К. Бурьянов. Заявляя свои симпатии в сторону Вольного Казачества, он, тем не менее, оставлял себе „места для отступления", стараясь найти предлог для оппозиции, вероятно, исключительно в силу принципа „оппозиция, а во имя чего — время покажет".

Возражали Иванову и старались помочь ему привести в порядок его же собственные мысли и понятия под'ес. Овсяник и г. г. Копотков, Пономарев, Козловский и Егоров.

Последний чрезвычайно обстоятельно доказывал Иванову, что прежде всего необходимо выяснить свои отношения к каким бы то ни было проявлениям жизни и уже потом, суммировав все, более определенно конкретизировать их в той или иной форме. Что же касается создания общей беспартийной организации, то такое мнение не выдерживает критики. Уже были неоднократные попытки создавать такие станицы, и все они кончались недоразумениями. Казаки должны группироваться в такие организации, где именно должно и следует говорить о политике и именно о казачьей политике. Такой организацией и является Вольное Казачество, это и есть подлинно казачье создание, в этой организации — именно казаки, защищающие свое Казачество, свой быт, свою культуру и свои славные старые традиции. В беспартийной казачьей организации именно казакам нечего делать и не о чем говорить. А раз так, то, вполне естественно, отпадает всякий интерес к самой организации, и теряется смысл единения, несмотря на то, что именно казачество тянется к таким единениям, но между собою, так как их об'единяет общность взглядов и особый уклад жизни. Ведь не нужно закрывать глаза на ту истину, что фактически нет казака не самостийника. Не идея противоречит понятиям некоторых казаков, а, быть может, подход к ее исполнению. Все эти вопросы выяснятся на предстоящем Вольноказачьем с'езде, где и будет избран верховный орган управления.

Закончив принципиальные разговоры, казаки принялись за обсуждение вопроса об устройстве Общеказачьего праздника 14-го (первого) октября. После незначительного обмена мнениями, решено было от имени группы вольных казаков г. Берлина устроить в церкви на Наход-штрассе молебен, на который пригласить всех без исключения казаков. После молебна собраться где-либо и выпить по стакану пива, и только потом В. К. своей семьею устроят для себя трапезу. Так как в нынешнем году день покрова Пресвятой Богородицы выпал на субботу, решено было перенести и молебен и собрание на воскресенье 15 октября.

К 10 ч. утра в воскресенье 15 октября собралась группа вольных казаков, пришло несколько казаков, не входящих в группу, явились джигиты, работающие в настоящее время в Берлине, во главе со своим шефом

В день Общеказачьего праздника 14 октября (окт. по ст. ст.) в Берлине. Группа казаков и их гостей у выхода из церкви.

ес. Тарасенко. После молебна, во время которого на клиросе пели свои же казаки, у выхода из церкви был сделан фотографический снимок, и все присутствующие, за исключением дам, отправились в близ лежащий ресторан. Там, за бокалом пива, полились полные непринуждения слова; каждый из присутствующих старался подчеркнуть необходимую связь между собою.

Под'ес. Овсяник подчеркнул, что сегодняшний день является днем настоящего казачьего праздника, не внушенного и не навязанного никаким правительством. Оратор подчеркнул особенно разницу между первым (14) и пятым (18) октября, выражая надежду, что пройдет еще немного времени, и казаки об'единятся вокруг настоящего своего дела, а тогда, по старинной традиции, днем нашего праздника останется старый традиционный день Покрова Пресвятой Богородицы. Сообщив о присутствии среди собравшихся гостя, И. П. Егорова, оратор предложил выпить за его здоровье.

И. П. Егоров, благодаря собравшихся за оказанное ему внимание, выразил свое удовлетворение, видя дружную семью казаков за одним столом, хотя и разно мыслящих. Оратор замечает, что казак всегда останется казаком, где бы он ни был, его не раз'единит никакая сила, он будет спорить с инакомыслящим, но в нужный момент всегда станет на защиту общеказачьих интересов.

Представитель журнала „В. К." в Берлине Г. А. Козловский отмечает, что день Покрова Пресвятой Богородицы является в то же самое время днем Запорожской Божьей Матери, в общем, — праздником всех вообще казаков. В дни седой старины Донцы, собираясь в поход, безразлично против кого, ставили свечи и били поклоны именно перед иконою Покрова. В то же самое время Запорожские сичевики усердно молились своей Запорожской Заступнице, моля ее о даровании побед и о поражении врага. Этот день должен явиться днем мира и согласия среди казаков; никакая туча житейская, никакая усобица, хотя бы только на словах, не должна омрачить казакам этого дня. Оратор предлагает принять единогласное постановление о том, чтобы И. П. Егоров, от имени собравшихся в Берлине, приветствовал казаков, рассеянных в Бельгии и в Чехии, и поздравил их от Берлинцев с общеказачьим праздником.

Предложение принято было единогласно.

М. П. Тарасенко подчеркнул, что он врангелевец и глубоко чтит его память, но что, тем не менее, он казак всей душою. Не желая спорить и доказывать, кто виноват, а кто прав, он считает, что в каждой казачьей группировке имеются свои плюсы и свои минусы. Вот потому, в традиционный день общеказачьего праздника, он хотел бы поднять бокал вообще за всех казачьих деятелей, тем или иным путем принесших свои силы и знания для Казачества.

Собрание, стоя, осушило стаканы.

Г. А. Козловский: Станичники! Вот я нисколько не стесняюсь того, что я вольный казак. Больше того, я горжусь этим своим признанием, ибо быть вольным именно присуще казаку. Скажу больше, я не помню того периода из истории Казачества, когда бы оно было не Вольное. Казачество всегда, начиная от своего появления, как самостоятельная национальная группа из семьи славянских народов, было вольным народом и таковым оно останется. Правда, оно долгое время было и до сих пор еще оккупировано, но это незначит, что оно не имеет оснований на самостоятельность. Приказывала Казачеству Русь черная во главе с московскими царями. Приказывала так долго, пока тот, которого сейчас называют „первым русским большевиком", царь Петр I, не задавил казачью свободу и волю, а начатое им дело с успехом и в свою пользу закончила Екатерина II, разгромив Запорожскую Сич. Но нет ничего вечного. Пришел конец и для черной Руси, наступил период пестроты. Я не могу назвать иначе периода от марта по октябрь 17 г., когда, за такой короткий срок, у кормила власти побывали все политические партии. Что же принесла Казачеству вся эта чехарда Российского правительства? Ничего нового. Те прогрессисты и те социалисты, которые десятки лет пели о наших страданиях и „помогали" просветиться нам и стать на путь самоопределения, точно также потянули по избитому тракту на „единую-неделимую", а в конечном итоге провозгласили донского выборного Атамана, А. М. Каледина, изменником и готовили для Дона новую рать. Тогда же по Дону прокатился клич: с Дона выдачи нет! И несмотря на готовность первого Войскового Атамана стать лицом к ответу перед Москвою, Казачество наложило свой запрет этим, ныне уже историческим, кличем,

И вдруг одновременно две Руси сменили одну. Ушла пестрая, сразу явились красная и белая. И что же? Опять ничего нового. Разными путями и одинаково через потоки крови обе эти новой окраски Руси шли по пути к той же „неделимой". То, что сейчас делает красная Русь, то, от чего она начала, еще раз подчеркивает, что сменились лица, формы и краски, а цели и стремления одинаковы. То, к чему все время стремилась черная и пестрая Руси, с большим рвением осуществляется Русью, покрасившеюся в красный цвет. И в дни белой краски Русь не считалась с нами, как с хозяевами на своей собственной земле...

Станичники! Я вам говорил сейчас не выдуманное, а житейские факты; я вам напомнил то, что каждый из вас должен был знать и понимать; я только помог вам подвести итоги всему пережитому. И вот я спрашиваю: какое мое дело, в какую еще краску окрасит себя Русь Московская? Будет она лиловая, зеленая, или фиолетовая, для меня она всегда будет только вражьей Москвою, посягающей на нашу честь, волю и землю. Напомните мне хотя одно известие о борьбе с властью в центральной России? Я такого случая не помню. Без оружья, с палками в руках и зубами борется Казачество, мрет и гибнет, но не прекращает борьбы тот, кто действительно считает себя патриотом своей Родины. А на Казачество и на все б. подневольными Земли былой Российской империи все время надвигается рать вооруженная. Кто идет? Россия. Русские офицеры ведут эти полчища, русская армия надвинулась на нас. Кто же борется здесь, в эмиграции, с неистовствами большевиков из русских? Незначительная часть недовольных существующим строем (не подлинное народное представительство, его здесь нет, народ русский никого не уполномачивал здесь на ведение какой бы то ни было акции; неизвестно, быть может, он доволен существующим порядком). И вот эта небольшая группа старается опять выехать на шеях казачьих.

Вот, станичники, почему я имею основания без страха и боязни звать себя вольным казаком и гордиться этим именем. Как я верю в конечное торжество нашей Вольноказачьей идеи, так я не верю в то, что есть казак не самостийник. Разные причины удерживают их от об'явления себя казачьим патриотом, но пройдет еще немного времени, и вся казачья сила в эмиграции сольется в одну могучую лаву и соединится с нашими братьями, страдающими под игом красной Москвы.

И. П. Егоров отмечает факт, что Казачество попало в эмиграцию стройно, со своими Атаманами, казною и клейнодами. Оно организованно оставило свои земли и, очутившись в чужих краях, в первую очередь приступило к самоорганизации, приноровляя местные условия к своему быту. И где бы ни был казак, куда бы не забросила его судьба, он прежде всего заботится о самосохранении. Русская эмиграция представляет собою резкую противоположность. Их, этих ихних руководителей, никто не выбирал, никто не давал им никаких мандатов, у них нет массы, весь ихний сбор носит характер случайно собравшихся людей. По старинке привыкли „организовать и подчинять" себе. И вот, видя и чувствуя за казаками силу и сплоченность, они направили свои усилия на „завоевание казачества в эмиграции". Их стремления понятны. Ведь без казаков они ничего из себя не представляют, только казачья эмиграция представляет собою какую то реальную ценность. Но Казачество тоже уже выросло и осознало себя. Многие, даже из быть может несведущих, очутившись за рубежом и сталкиваясь с культурой иных народов и заинтересовавшись собственной чрезвычайно богатой историей, поняли, к чему ведет политика всех этих „друзей казачества", осознали дикую несправедливость и фальшивость отношений к себе опекунов и стали уже на путь самоопределения. Этот процесс неукоснительно ширится, растут кадры самостийников, на этот же путь становится в большинстве и наша казачья молодежь, получившая образование уже здесь, в эмиграции. Но среди вольных казаков есть много и стариков, понимающих, что интересы своей родины дороже и выше всего, и ставших смело в ряды борцов за самостоятельность. Я глубоко убежден, что нет среди казаков не самостийников, есть только колеблющиеся. Одни из них еще не изжили старого понятия о подчинении своим Атаманам, которые, к великому сожалению, не пошли по пути с чаяниями казачьей массы; другие ждут: прикажут, — пойдут с общей казачьей лавой. Дело не в количестве, а в качестве. Пусть ряды самостийников будут даже и меньше, но за то это будет честная и стройная организация, которая сумеет дружно отстоять интересы своего народа, и за которой впоследствии пойдет вся казачья масса.

В дальнейшем выступали еще И. Д. Овсяник, Усков и другие казаки; все речи сводились к необходимости слияния казаков и к дружной жизни на чужбине.

Около 1 ч. дня, группа вольных казаков, распрощавшись с казаками других „толков", собралась в помещении Берлинского представительства журнала, чтобы в тесной семье, за скромной беседой, провести свой праздник.

Было много сказано лучших пожеланий и, в первую очередь, о скорейшем устройстве официально утвержденной вольно-казачьей организации.

Почетный гость Берлинцев И. П. Егоров, зачисленный, между прочим, почетным членом будущей Берлинской Вольно-казачьей организации, призывал к тесному единению, необходимому подчинению избранному будущему Правлению и ко всяческой поддержке его во всех случаях жизни.

Одним из присутствующих была отмечена та огромная работа, которая проделана уже главным руководителем журнала „В. К." и вообще всем движением, инж. И. А. Билым. Оратор подчеркнул, что он, почти один и единственный, „осмелился" вскрыть тот нарыв, который так мешал казакам. Только благодаря его неутомимой энергии, в казачьих рядах проснулось сознание, и явились кадры готовых пожертвовать собою помощников. И он может быть уверенным, что начатое им дело уже не заглохнет. Он вызвал к жизни то, что кипело в каждой казачьей груди; теперь он не один, и созданные им кадры его не оставят. Оратор внес предложение уполномочить И. П. Егорова передать И. А. Билому, а в его лице и всем его соратникам, лучшие пожелания и нашу готовность всегда поддержать его в столь тяжелой и ответственной деятельности.

Под дружные крики „УРА!" были осушены бокалы, и был дан наказ И. П. Егорову лично передать пожелания Билому от группы вольных казаков г. Берлина.

За дружной беседой время прошло незаметно. Наконец, настал час прощанья. Трогательно прощались казаки с И. П. Егоровым, поддчеркивая, что благодаря его посещению, воспламенились они, воскресла в них надежда на светлое будущее, и с новыми силами они приступят к самоорганизации в Берлине.

В тот же день вечером И. П. Егоров, И. Д. Овсяник и Г. А. Козловский посетили с ответным визитом группу джигитов М. П. Тарасенко. Между часами работы в цирке „Кроне" джигиты приветствовали своих гостей лучшими пожеланиями и уверениями в своей поддержке и помощи. Наконец, и здесь трогательное прощание, обоюдные пожелания. передача приветствий казакам в другие страны, обмен адресами...

Так провели время вольные казаки в г. Берлине. Сейчас все захвачены скорейшим составлением ядра. Судя по той горячности, с которой приступлено к осуществлению Вольно-казачьей организации в Берлине, вся работа будет закончена в ближайшие же дни.

Представительством журнала „В. К." в Берлине в день Общеказачьего праздника получены следующие поздравления:

Вш. Пане Козловський!

Запрошення я одержав, але з технічних причин мені буде не можливо взяти участь в молебні, влаштованному з приводу старинного загальнокозацького празника. Прошу вибачення, але час такий, що мені, як журналістові, треба буде бути на посту. Групі Вільних Козаків бажаю всього найкращого. Сподіваємось, що час працює для нас і що наш поворот на батьківщину вже недалекий.

З українським привітом

М. Сележко.

Не казак, даже иностранец по происхождению, но выросший на земле Донского Казачества и сжившийся с казачьими традициями, я, узнав о сегодняшнем торжестве, не могу удержаться от приветствованья Вольных Казаков г. Берлина и от всей души желаю им всяких успехов в деле борьбы за свою самостоятельность и избавление от каких бы то ни было оккупантов. Прошу передать мои лучшие пожелания той группе честных людей, которая взяла на себя тяжелый труд руководства движением и, хотя не знаю никого из них лично, верю, судя по той работе, которая уже дает определенные плоды. Мои самые горячие пожелания — многих сил и на много лет в их честной и высокополезной деятельности.

Герман Баугартнер
(колонист О. В. Д. Ростовского округа.)

От имени Українського Національного Об'єднання „УНО", по полномочию больного председателя, поздравил с праздником член организации д-р М. В. Шереметьев.

Гановерская группа Вольных казаков хутора имени И. Билого, через своего станичника М. М. Пономарева, приветствовала в письме Берлинскую группу в день праздника.

Берлин. 17-10-33. (Соб. кор.)

В Бельгии.

Глубокоуважаемый Г-н редактор!

Для сведения вольных казаков, в эмиграции сущих, не откажите в любезности поместить на страницах любимого нами журнала нижеследующее:

15 сего октября хутор вольных казаков в Бельгии на общем сборе своем в м. Péronnes-Binche под председательством вр. исп. д. хуторского Атамана Н. К. Боровлева, решая неотложные вопросы о состоянии хутора, постановил:

1. Ввиду от'езда нашего хут. атамана И. П. Егорова в Прагу, единогласно избран хуторским атаманом Г. К. Рудаков.

2. Утвержден в должности хуторского казначея Г. Е. Постол.

3. Бывшему хуторскому атаману И. П. Егорову выразить благодарность за его труды в деле создания хутора вольных казаков в Бельгии.

Труд и забота его, И. П. Егорова, по укреплению Вольно-Казачьей идеи среди нас, казаков, останется на долго в памяти нашей. Желаем ему искренно всех благ и успеха на новом месте службы для блага всего Вольного Казачества.

Председатель сбора:

вр. и. д. хут. атамана *Н. Боровлев.*

Казаки, члены хутора: *С. Псарев, Г. Постол, С. Дурнев. Г. Бурьба, И. Брежнев. П. Шевляков, Павличенко, А. Сысоев, М. Адамов, В. Ерохин, Г. Рудаков.*

По окончании сбора, в тот же день хутор имел честь отпраздновать свой старинный казачий праздник Покрова Пресв. Богородицы по обычаю по казачьему.

За неимением церкви и священника, помолились Богу, как учили нас предки и родители, а после молитвы, был устроен настоящий казачий обед.

Праздник провели в радостном сердечном настроении, с глубокой верой в чистоту и правоту идеи и дела В. К. Не было зажигательных речей, но каждый свободно, от чистого сердца высказал свою безграничную любовь к родному В. Казачеству и готовность не только словом, но и делом защищать идею и стремиться к ее осуществлению.

Примите уверения, Г-н редактор, в искреннем уважении Вас и почтение перед трудом Вашим.

Г. К. Рудаков.

В Братиславе.

Милостивый Государь, господин Редактор!

Не откажите поместить на страницах нашего родного журнала следующее:

Правление Общеказачьей станицы на Словакии считает необходимым отметить отрадное событие в жизни станицы.

10-X с. г. окончил медицинский факультет Братиславского Университета и 20-X был провозглашен доктором всех мед. наук Иван Степанович Бойко, казак станицы Лабинской Кубанского Войска.

И. С. Бойко с 1918-1920 г. принимал участие в войне против российских завоевателей и с отрядом ген. Фостикова выехал за границу. Среднее образование

закончил в Моравско-Тшебовской гимназии (Ч. С. Р.). При его деятельном участии был организован в Братиславе вольно-казачий курень имени Юрия Гончарова.

Имея на руках семью, нагруженный академической работой, И. С. Бойко принимал все же деятельное участие в жизни вольного казачества до настоящего времени.

Надеемся, что и теперь, по окончании учебы, он и дальше будет работать с неослабляемой энергией на пользу казачества.

Атаман станицы **И. Безуглов.**

В Париже.

В день Покрова Пресвятыя Богородицы, 14 октября нов. стиля, в память героев Азовского сидения и в память героической борьбы Казачества с 1917 по 1920 г.г. за лучшую волю и долю казачью, вольные казаки отслужили в Бийанкурской церкви (132, rue Point du Jour) павшим смертью храбрых — панихиду, а оставшимся в живых — молебен.

(Соб. кор.).

15-X-1933 г.

† И. Г. Карнеев.

Глубокоуважаемый г-н Редактор!

Не откажите поместить в нашем журнале „В. К." нижеследующее:

3-го октября 1932 г. в г. Ломе умер казак В. В. Д. ст. Кременской Иван Григорьевич Карнеев. Похоронен

Ломская вольноказачья станица на открытии памятника покойному казаку В. В. Д. И. Г. КАРНЕЕВУ.

на местном православном кладбище. 3 сентября с. г., в день годовщины его смерти, Ломская Обще-вольноказачья станица на могиле покойника поставила ему и освятила скромный памятник (в размере оставленных им средств).

На панихиду и освящение памятника атаманом станицы Е. Затяминым заблаговременно было сделано приглашение; все желающие приглашались присутствовать на Богослужении. Перед освящением памятника атаман станицы охарактеризовал жизнь покойника, его трудолюбие, скромность и благоразумную экономию...

Преставитель „ВК" Н. Егоров, в краткой, но содержательной речи об'яснил присутствующим о необходимости увековечивать могилы покойных, о цели постановки памятников и надписей на них имени покойников.

В день панихиды и освящения памятника у казаков, работающих на пристани, как раз случилась работа, которую они по своей обязанности не могли оставить, и потому большинство не присутствовали на освящении. Но свободные от работы вольные и не вольные казаки пришли отдать свой последний долг покойному на чужбине. Но, удивительно, ни одного не было из русских, хотя день был праздничный. Кроме того, он, т. е. покойный, некоторым из них оказывал услуги, но и они не сочли своим долгом в этот день посетить его могилу.

Наверно, они — Ломская русская эмиграция — думают, что они не придут туда же, где похоронены казаки..., для них создается другое кладбище. Они готовят для себя кладбище не общее православное, а чисто русское. Ну, и пускай готовят и заполняют...

Н. Егоров.

5 сентября 1933 г. Лом.

Враги В. К. движения на скамье подсудимых за клевету.

Многоуважаемый г-н Редактор!

Не откажите напечатать в нашем казачьем журнале нижеследующее:

В № 126 журнала „В. К." было напечатано о том, что Среский суд в г. Крагуеваце осудил Председателя Русской Колонии, бывшего генерала Алексинского Константина, члена колонии генерала Николая Грузинского, Председателя офицерского союза генерала Константина Эгерта, полковника Ипполита Данилова, полковника Георгия Камукова и шестого, назвавшего себя представителем несуществующей кубанской дивизии, — полковника Александра Расторгуева.

Все шестеро привлекались к ответственности по § 301 крим. Зак., но, ввиду того, что суд нашел их „заблудными" людьми, они осуждены были по § 304. Я уже получил с осужденных 731 динар и 1200 дин. — адвокат, а также и 18 свидетелей по 30 дин.

Осужденные остались недовольны приговором Среского суда и подали жалобу в Окружной суд.

13 июня с. г. Окружной суд, рассмотрев их жалобу, нашел что Среский суд правильно осудил их, и оставил решение в силе.

Вот, братья казаки, запомните раз и навсегда, что нас, казаков, хотели погубить русские „заблудные" люди. А из таких „заблудных" людей состоят разные русские организации.

А ведь с такими людьми шли рука об руку и наши бывшие атаманы, г. Науменко и г. Богаевский и рекой лили казачью кровь, а теперь подбирают падающие крохи с Миллеровского стола. Если-же этих крох им мало, они под разными предлогами собирают дань с заблудивших казаков, как например, на поездку г. Науменко в Америку, Фонд Освоб. Московии, на Кавказского Казака, Казачий Союз... Все это — выдумки, как бы легче снять жирок со спины казака, но „заблуда" с казаков начинает проходить, а обманьщикам, рано или поздно, придется за свои действия отвечать перед Казачьим Судом.

В. ст. **А. Чекин.**

12-X-33. Крагуевац, Югославия.

Просьба Вольным казакам во Франции.

Станичник Редактор!

Прошу Вас напечатать в родном журнале нижеследующее:

Разлюбезный доктор и философ Григорий Иванович Чапчиков собирается об'ехать европейские страны и прочитать доклад казакам в пользу императора Кирилла, который, один из первых, нацепил себе на грудь красный бант.

Вышеназванный докладчик хочет похвалиться, что, дескать, он все знает — настоящее и будущее — и хочет пополнить кадры младоросского движения.

Мне хотелось бы видеть этого „верноподданного" и напомнить ему простыми казачьими словами его прошлое житье-бытье в Крыму и в Таврии. А посему осмелюсь побеспокоить братьев вольных казаков следующей моей просьбой: если заявится сей громкий пророк во Франции, то прошу Вас, станичники, сообщить мне об этом по адресу: M-r Boldyreff, „Etoile du Midi", Congues s/Orbiel (Aude).

Я все продам, вплоть до французских сабо, но побываю на том докладе...

Иван Андр. Болдырев.

В Казакии.

По страницам „Молота".

„Сев затягивается!" грустно констатирует „М." 2-го октября и не менее меланхолически спрашивает: „Все ли плуги, сеялки в борозде, все ли трудоспособные в поле?"

3 октября: „Белоглинские коммунисты не организовали живого руководства севом на поле, в бригаде, в посевном звене..."

В Ейском районе „дан приказ сеять, но тракторы — не на полях..."

4 октября:

„Последняя сентябрьская пятидневка дала по всему краю только 6,6 проц. прироста засеянной площади озимых. К 1-му октября план сева по колхозно-крестьянскому сектору выполнен на 20 проц. Нет никакого оправдания этим позорным темпам, угрожающим урожаю 34 года!

Северные районы края сорвали установленные для них сроки сева. Морозовский, Обливский, Новочеркасский, Таганрогский, Азовский, Матвеево-Курганский, Мясниковский вот уже второй месяц позорно топчутся на месте, выполнив планы не более, чем на 25-29 проц. Вместо организации сева в сочетании с другими работами, вместо живого руководства севом в поле, в бригаде, посевном звене, многие руководители-коммунисты продолжают заниматься декларациями, поездками по колхозам и бригадам..."

5 октября: „Низкое качество сева в Курсавском районе грозит появлением новых полчищ сорняков..."

„Резкое снижение темпов обмолота — прямая угроза хлебному плану..."

6 октября в передовой - постановлении отмечаются „успехи" хлебосдачи и осеннего сева, но

„Наряду с этим пленум Краевого исполнительного комитета отмечает позорную работу ряда районных и сельских организаций, отдельных МТС и многих совхозов, особенно в районах: Верхне-Донском, Обливском, Миллеровском, Морозовском, Тацинском, Таганрогском, Матвеево-Курганском, Мечетинском, Азовском, Кущевском, Старо-Минском, Ейском, Тихорецком, Каневском, Белоглинском, Новопокровском, Павловском и Минераловодском.

Отстающие районы с самого начала кампании не обеспечили надлежащих темпов и качества работы. Хлебосдача идет самотеком, оппортунистическими темпами. Совершенно неудовлетворительна хлебосдача по единоличному сектору (на 20 сентября выполнено всего 40 проц. годового плана), особенно по районам: Мечетинскому, Новопокровскому, Павловскому, Каневскому, Старо-Минскому, Тихорецкому и Брюховецкому.

Эти отстающие районы тянут край назад, резко снижая темпы хлебосдачи.

Особенно позорно отстали в выполнении плана хлебозаготовок совхозы, и в первую очередь, следующие совхозы Зернотреста: Белоглинский, Донской, Павловский и Тихорецкий.

Недопустимо затягиваются обмолот и скирдование хлеба по ряду районов (на 1 октября осталось необмолоченными и незаскирдованными 13 проц.), что грозит большими потерями. Нормы выработки, в частности на молотилках, не выполняются. Особую тревогу вызывает ход уборки подсолнуха. На 1 октября убрано подсолнуха меньше, чем на это же число в 1932 году. Больше всего по подсолнуху отстают следующие районы: Павловский, Кущевский, Тихорецкий, Старо-Минской, Миллеровский. Имеется угроза больших потерь подсолнуха по краю, который который должен дать стране почти половину всего заготовляемого в Союзе подсолнуха. Во многих местах повторяются ошибки прошлого года в части установления кулацкой „очередности" отдельных работ, что задерживает своевременное развертывание осеннего сева. Нет умения правильно сочетать хлебосдачу, окончание уборки и разворот осеннего сева. Особенно преступно затянули со вступлением в сев северные районы. Уже с первых шагов отмечаются массовые случаи нарушения агроправил, случаи вредительства сева на неподготовленных землях, мелкой пахоты, сев вразброс, высев непротравленных семян и т. п.

В ряде районов еще имеют место такие преступные факты, когда сданный хлеб хранится на голой земле под открытым небом..."

9 октября: „Разгромить либеральное отношение к злостным нарушителям сроков сева! Притупление классовой бдительности у морозовских коммунистов".

11 октября: „Георгиевские коммунисты обязаны добиться полных выходов на работу, выполнения норм каждым колхозником!"

„Руководство Лабинского района не знает, что делается на табачных плантациях"...

12 октября „приказ": „В ближайшую пятидневку весь хлеб, до последнего колоска, убрать с полей!.."

А передовая, на тему: „Поднять партийную ответственность за полную уборку хлеба с полей", начинается так:

> „Все сроки и отсрочки скирдования и зачистки полей, которые получали отстающие районы, давно прошли. Но несмотря на это, вопреки строжайшим партийным директивам, ряд районов, запутавшихся в осеннем сельскохозяйственном узле, поставил скирдование в очередь, на второй план. Такое отношение к борьбе с потерями вытекает из явного непонимания огромного политического и хозяйственного значения скирдования и всего комплекса агромероприятий по борьбе с потерями.
>
> И не случайно, что районы, где сосредоточено наибольшее количество незаскирдованного хлеба, являются наиболее отстающими в хлебосдаче, в уборке пропашных и осеннем севе.
>
> На колхозных полях края сегодня в валках и копнах под дождем остается свыше 600 тыс. гектар! Не срезано и не убрано с полей 450.000 га. подсолнуха — почти половина всей площади. А ведь именно в этих копнах и валках лежит сейчас колхозный трудодень, а у значительной части колхозов и семена!.."

Ниже читаем: „Незыблемый закон нарушен. Славянский район сорвал сентябрьский план постановок государству подсолнуха"...

14 октября „предупреждение": „За срыв скирдования в Кущевском районе отвечают в первую голову коммунисты"...

В Александровском районе „несколько тысяч гектар хлеба гниет"...

Под властью оккупантов.

Крепостная жизнь, как она есть.

(Несколько картинок из „М." от 3 октября).

1 Пока что по-старому.

Со времени посещения колхозником Зайцовым Крайпотребсоюза прошло около трех недель — срок достаточный для того, чтобы самый неповоротливый аппарат сумел в какой-то мере повернуться лицом к запросам зажиточных колхозников.

— Но дела идут не лучше, чем шли до сих пор, — прямо сказал при встрече с бригадой тов. Брауде — член правления, зав. сектором товарооборота Крайпотребсоюза.

Казалось, из скромности говорит это маститый кооператор. Ан, нет — всерьез. Тов. Брауде постарался подтвердить свое заявление. Конечно, не в пример августу, работа в сентябре двинулась живей. Поток товаров, направляемых в деревню, значительно возрос, а на четвертый квартал низовка получит планируемых товаров на 30 процентов больше, чем в третьем. Мануфактура, изделия швейной промышленности, обувь, галантерея, мыло и т. д. — все это в огромном количестве бросается в деревню.

Начал-таки Крайпотребсоюз одевать, обувать колхозника.

Но он, зажиточный колхозник, топорщится, привередничает. То ему не нравится, другое не подходит, третьего подобрать не успели.

2 Не наша вина, что дают, то и продаем.

Что нужно колхознику из мануфактуры?

Молодой ударнице нужно платье из лучшего отреза; матерям-домоховяйкам — поплотнее и чтобы не маркое; старикам, старухам — ситчик в полоску, в горошинку; детворе — поярче и не ноское; грудным детям — на пеленки из клинушков.

И вот пошла мануфактура. В Миллеровский район пошла серая и только серая. На юбки, на кофты, на рубашки, на занавески, на пеленки — серая. Весь Милларовский район неумолимо перекрашивается в единый серый цвет.

Армавирскому району выпал на долю синий цвет. Посинеет теперь там все колхозное население, как море в июле. Морозовский район отделывается в кремовый цвет. На массовых собраниях морозовцы будут выглядеть, как поле спелой ржи, прихваченной суховеем. Тарасовцев ждет коричневая судьба. Иным грозит безисходный траур — партия черного сатина на все и всякие нужды.

— А ведь это издевательство над потребителем, тов. Брауде.

— Не наша вина. Промышленность так отгружает, — база Хлопкоснабсбыта.

— Ночью что ли или украдкой от кооператоров идет отгрузка?

Нет. Кооператоры берут товар с рук на руки. И... торгуют. „Не наша вина".

3 Вместо шубы демисезонное пальто.

Одноцветная раскраска районов — это еще полбеды. А вот с готовой одеждой!.. Швейная промышленность угнетает Крайпотребсоюз демисезонными пальто.

— Холод на дворе. А мы вынуждены предлагать колхознику демисезонное пальто. Колхозник не берет. Лежат эти пальто. На четвертый квартал даем на 20 миллионов швейных изделий. Но... не велика радость.

— Швейная промышленность гробит рынок, дискредитирует нас.

Через несколько часов бригада заглянула в Крайлегпром, побеседовала с тов. Дикманом.

— Кстати о демисезонном пальто, — говорил тов. Дикман. — Безобразнейшая история! Холод, а потребкооперация сует петребителю демисезонное пальто. Говорили ей летом: „Не связывайся с этим товаром, давай заказ на ватные пальто". Потребкооперация и слушать не хочет. Там у нее руководит этим делом тов. Брауде. Насел он на промышленность.

— „Дай демисезонное пальто!" И так его отговаривали и этак. Настоял на своем. — „Демисезонное дай".

Так и всучил заказ и подписал договор на демисезонку.

... И опять говорит тов. Брауде!

— В Ростове шьют демисезонные дальто, в Орджоникидзе полупальто, которых никто не берет. В Армавире — серые, исключительно серые костюмы, кособокие, один рукав длинней, другой короче, брюки без крючков, без пряжек, штанины у брюк местами сшиты, местами иглой нетронуты, хоть поперек просовывай ногу. У пиджаков петли непрорезаны, прошиты по целому. Бракераж у них бездействует: ни штрафов, ни уценок.

Тов. Дикман (Крайлегпром):

— Развращает потребсистема наших швейников: хоть бы раз забраковала что-нибудь. У треста, у Швейсбыта свой бракераж. За малейшую оплошность — взыскания. Штрафы десятками тысяч. Но если что дошло до потребсистемы — кончено, — любую дрянь берет, ничего не возвращает. Значит, ему нравятся товары.

Тов. Брауде:

— ...И вот в силу такого безобразия со стороны Швейсбыта товар лежит. Или возвращается в Ростов, перебрасывается, катается. Для примера, Морозовский район сегодня просит: заберите, пожалуйста, на 75 тысяч рублей серых армавирских пиджаков и на 15 тысяч костюмов, может, на них в городе найдутся охотники. И Пятигорск и Верхний Дон, десятки районов хотят возвратить негодное готовое платье.

Тов. Дикман:

— ... И приходит тов. Брауде за три дня до окончания квартала выкупать ватные изделия. Не знает рынка, не знает спроса, не умеет торговать. До того на знает покупателя, что промышленность вынуждена посылать своих агентов в деревню для выявления спроса. Деревня требует огромное количество стеганок и теплых шаровар для армии трактористов. Их нет.

Швейная промышленность выпускает, а кооперация берет для деревни то, что давно и вполне определенно забраковано колхозниками и лежит мертвым капиталом в миллионы рублей.

Обе высокие головотяпствующие стороны видят это, кивают друг на друга, и — попрежнему губят сырье, мертвят капитал.

4 Шествие ботинок.

В один и тот же день бригада узнала о ботинках, направляемых в деревню, следующее:

В Крайлегпроме:

— Ботинки с резиновой подошвой вполне доброкачественны. Подошва привинчена и пришита так, что держится годами.

В Крайпотребсоюзе:

— Подошва у ботинок отпадает при первом прикосновении. В доказательство один из членов правления т. Бергер приподнял ногу:

— Недели не носил, уже ощерились...

На фабрике им. Микояна:

— Работаем в лучшем виде, — крепко, чисто аккуратно.

В прокуратуре:

— Привлекаем к уголовной ответственности директора фабрики им. Микояна Моллера, тех. директора Зарницкого, техконтроль Друтмана — за бесконечную порчу сырья. 4 октября будем судить показательным процессом.

Ботинки — „микояновский полуфабрикат" — десятками, сотнями тысяч пар идут на прошивку к кустарям в Шиллерово и Армавир, там потребкооперация организовала прошивочные мастерские, обувь задерживается по пути в эти кустарные мастерские до двух недель, в переделке — до двух недель, в обратном пути — до двух недель. Цена вырастает на 30 процентов, и обувь оседает на полках из-за однообразия размера.

Так легпром и кооперация „обувают" колхозника!

Таково положение с планируемыми товарами.

5 А как же с кроватью и выварной?

Кровать, выварка, стул, стол, решето, корыто, цыбарка, кадушка, бочка, тарелка, культтовары... За все это Крайпотребсоюз до сих пор не считал себя ответственным. Торговать этими товарами лавки сельПО соглашались, но „постольку-поскольку".

Заботиться о них должны были базы Центросоюза: СМО, ВОКТ, ВГПО, СФ (силикатно-метизных изделий, культтоваров, галантереи, стеклафарфора). Базы эти не знали потребителя, не умели работать, ликвидировались, влились в Крайпотребсоюз.

— Теперь, стало быть, пошло дело?

— Должно бы наладиться.

Однако и теперь о выварке, о кровати, стуле, кадушке, цыбарке Крайпотребсоюз ничего не знает. Это, видите ли, должна знать база Кустхозоб'единения, которая, как на зло, не влилась в Крайпотребсоюз, оставшись самостоятельной. Она должна заботиться. Там надо узнать насчет кровати и прочего.

— А за продвижение культтоваров мы взялись — выкачиваем из деревни непроданные, рассохшиеся музыкальные инструменты, лопнувшие патефоны, негодные игрушки — помогаем в городе продать за полцены.

На культбазе Крайпотребсоюза происходит невообразимое столпотворение, точно шторм пронесся над горами предметов культуры, побил и покалечил все — музыкальные инструменты, идиотские игрушки для детей. Среди хлама высятся пирамиды тщательно упакованых ящиков.

— Здесь какой хлам?

— Не хлам, здесь дефицитные школьные пособия, учебники, инструментарий для политехнизации школ.

— Вывезли из деревни или везете в деревню?

— Ни то, ни се. Лежит товар три недели, никем не выкупается, — денег у периферии нет (у нее 2.400 тыс. дебиторской задолженности).

6 „Товаров завал — спросу нет".

Бригада направилась в Кустхозоб'единение, побеседовала с зав. базой тов. Бельковым.

— Товаров для деревни? С нашим удовольствием и каких угодно. Но... спросу же нет! Не знаем, чего требует деревня. Дело это проблемное, начаты попытки изучать спрос. Пока опираемся на опыт Крайпотребсоюза, на заявки работников его системы. А эти работники, краевые и с низовки, только на днях были на совещании при Крайисполкоме, и... они говорят, что наши товары в деревню не требуются. У нас имеются сгулья дешевые — не берут. Бочки, кадушки в огромном запасе — не берет кооперация нипочем — еле-еле удалось с плеч сбросить. Последняя нахичеванская бондарная артель распалась. Спросу нет. Мебель лежит, частью сбываем вне края. Сита, решета, корыта, совки, кадки малые, чашки, ложки — в изобилии имеем. Не идут.

— Неужели ложки и чашки не идут?

— Они бы шли. Но мы отпускаем их только вагонами, а крайпотребсоюзовские базы не хотят брать такими партиями — „вдруг, мол, не все распродадим?". По пол-вагона они бы брали.

— Ну и давайте по пол-вагона.

— Тогда надо упаковывать товар. Упаковывать мы не согласны, а без упаковки железная дорога не принимает.

— Стало быть?..

— Лежит товар.

— Ну, а кровати?

— Имеем 16 тысяч штук. Семь тысяч — хоть сейчас. Весь двор у „Красного кроватчика" забит. Лежат. Железная дорога вагонов не давала. А когда дала — Союзтранс не дал перевозочных средств, чтобы на станцию отвезти. А потом договорились — Союзтранс согласился. Тут как раз железная дорога не дала вагонов. Наконец, добились вагонов. Но Союзтранс.., и т. д. В общем товаров для деревни сколько угодно. Не берет деревня, спроса нет. И у Кустхозоб'единения нет выварки. Спроса же нет! Цыбарки... несколько вагонов их лежало у Крайпотребсоюза целый квартал. Железная дорога тормозит вывоз. Раз лежит, значит спросу нет.

7. А бокалы для шампаского в Чечню дошли.

Базы и Крайпотребсоюз никак не умеют довести до деревни ложки, чашки, корыта — „железная дорога виновата". Но какая гармония, какой лад, какой успех получается иной раз в продвижении товаров всеми этими организациями. Недавно Чечня аккуратнейшим образом получила вагон бокалов для шампанского. А чтобы особенно не возгордилась Чечня, всунули в вагон несколько десятков тысяч... банок, которые ставят на спину и на живот для усиления кровообращения. И ни одного лампового пузыря.

8. Почему зашивается ГОРТ.

В краевой конторе ГОРТ'а было оживленно и чуть тревожно.

Зам. директора Карпов непрерывно звонил по телефону, набирая то один, то другой номер.

— ... Да, да.., На два миллиона рублей.. В том числе, для деревни на миллион триста. Необходимо... Срочно! Именно ходовые, нужнейшие товары...

Сотрудники говорили о периферии. — Все в гору и в гору идет, чорт побери. Цифры так и растут, так и вздуваются!

Бригада обрадованно вступила в беседу с зав. промтоварной станцией тов. Борщевым.

— Значит, в гору идет дело? А каков рост у вас поквартально?

— Второй квартал почти вдвое перекрывает первый, третий квартал опять дает прирост почти вдвое против второго. Что будет в четвертом при такой динамике, трудно и выговорить.

— А по каким товарам идет главным образом рост? — живо заинтересовалась бригада

— Это не по товарам. Это по... воровству.

— Как это?

По всякому. Из ларьков, из лавок, из универмагов, со складов и баз. Вот в грубых чертах предварительные данные.

Тов. Борщев показал сводку, из которой, при всей ее неполноте, явствовало, что —

... служащими системы ГОРТ'а похищено товаров за первый квартал этого года на 330 тысяч рублей; за второй квартал — на 525 тычячи рублей; за третий квартал на 20 сентября и по сугубо неполным данным на 800 тысяч рублей.

В четвертом квартале...

Надо добиться, чтобы в четвертом квартале был положен предел росту этих показателей ГОРТ'а, чтобы не перейти к балансу 1932 года, когда хищений было на три миллиона, плюс чистого убытка четыре миллиона, — семь миллионов угробленных средств.

Тов. Карпов тем временем еще раз позвонил и безнадежно повесил трубку.

— Схожу еще раз в банк, может быть как-нибудь договоримся. Два миллиона должны быть сегодня же. Иначе — кое-кто вместо нас выкупит наши товары. В кассе у нас осталось денег — на марки и на конверты. Квартал кончается. Пойду. Буду драться как лев...

9. „Мухи" мешают.

До Кустпрома тоже дошли сведения, что зажиточному колхознику требуется много товаров.

Каких? Да мало ли каких могут потребовать? Все найдется у артелей 40 союзов! И мыло вырабатывают, и кожу, и обувь, и веревку, и трикотаж, и шубы, и хомуты, и валенки. Соответственно повышенному спросу и выработка будет повышена.

— По линии каких же товаров определился повышенный спрос?

— Вопросами спроса краевой совет кустпромкооперации по положению не занимается. А в общем повышает наметки. В первом квартале артели дали своих изделий на 16-17 миллионов, во втором — на 12 миллионов, в третьем должны дать на 43, а на четвертый планируем на 101 миллион.

— Есть, стало быть, основания надеяться на такой рост?

— Основания? — Зав. плановым сектором посмотрел на зав. сектором учета, потом в потолок.

— Мы все больше планируем оттуда... С потолка... Люди мы оторванные от жизни. И планируем так, вообще. Это и без нас все планируется в Крайплане. Аппарат наш — отделы планирования, химии, метизов, текстиля и другие... Если назвать его аппаратом, так это не всерьез, если сказать, что нету аппарата, так он будто бы есть. И все загружены... Такая уйма вопросов, дыхнуть некогда. А тут теснота. Душно. Трудности. Мухи с базара летят.

Мухи роились над полсотней столов, за которыми полсотни человек напряженно взмахивали руками, щелкали себя по щекам и лысинам, отбиваясь от назойливых насекомых. Трудно этим людям и тоскливо жить, глядя в потолок, потом в бумагу.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Č.S.R. 1 корунову знамку, из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ing. Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930
Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.